

СМЕНА

16

1954

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ВО ЛЬДАХ АРКТИКИ

Вот уже несколько месяцев на дрейфующих льдах Северного Ледовитого океана великого труда трудятся два отряда отважных советских ученых, ведущих исследование суровой природы Арктики.

Одну научную станцию, «Северный полюс-3», выславленную на лед на 61° северной широты, 175°45' западной долготы, возглавляет кандидат географических наук Герой Социалистического Труда Алексей Федорович Трещинов. Вторую станцию, «Северный полюс-4», возглавляет опытный полярник, кандидат географических наук Евгений Иванович Подшивов. В ее высадке на лед в районе 76°48' северной широты и 175°30' западной долготы. Это северо-западные острова Врангеля. Обе станции находятся сейчас на высоте сотни километров от Восточной земли, но полярники не чувствуют себя оторванными от Родины. К ним регулярно прилетают самолеты, которые доставляют им свежее газеты и журналы, письма от родных, знакомых и друзей. Эти же самолеты привозят на дрейфующий лед свежие овощи и фрукты.

Научная станция на дрейфующих льдах представляет собой целые поселки, где работают площадки метеорологов, магнитологов и гидрологов. Работники станций живут в просторных домиках, установленных на льду. Домики оборудованы специальными газовыми плитками и паровым отоплением. В ящиках и ящиках помещаются полочников есть телескоп внутренней связи. В «ящик-компазилах», имеющих пеленгоскопический радиоприемник и пеленгоскоп, часто собирается коллектив станции, чтобы послушать голоса родной Москвы, сыграть шахматы или обсудить ход шахматного матча между шахматистами «Северный полюс-3» и «Северный полюс-4». Здесь же собираются и на научные конференции, обсуждают предложенную работу, намечают планы дальнейших исследований.

Радиосвязью ежедневно приносит нам сообщения о том, что на дрейфующих льдах овека наша жизнь идет своим чередом, что там все в порядке. Другим и сплочен коллектив исследователей Арктики. Рядом с опытным полярником трудятся и комсомолки — радист Леонид Рабаш и аэролог Игорь Цигельниций. На снимке вы их видите в сопровождении собак — незаменимых помощников жителей северных широт.

Сейчас в Заполярье в разгаре арктическое лето. Все время стоит день. Солнце светит так ярко, что без специальных очков-светозащитных очков долго находиться на улице опасно: можно испортить зрение.

На льдинах, которые еще совсем недавно казались безжизненными, пустынными, все чаще и чаще стали появляться обитатели Арктики: тюлени и нерпы, морские зайцы. В густой и полярникам захватывает и властелин арктических просторов — большой медведь, который в поисках пищи нередко прохаживает по льду за сотни километров от берегов земли.

Жизнь на дрейфующих льдах полна трудностей и опасностей. Но отважные советские полярники с честью выдерживают все испытания и обогащают нашу науку новыми ценными сведениями о природе Центральной арктической бассейна.

На снимках:

1. Дрейфующая научная станция во льдах Центральной Арктики. Выгружен триггер на самолете.
2. Знаменитый полярник летчик Герой Советского Союза И. И. Черевичный возмужает на льдинах флаг Родины.
3. На Северный полюс прилетела группа советских ученых.
4. Установка палатки для научно-исследовательской работы.
5. Приятно и радостно получить весточку от родных и друзей.
6. Работники дрейфующей станции «Северный полюс-3» комсомолка радист Леонид Рабаш (слева) и аэролог Игорь Цигельниций со своими четвероногими друзьями.

Новыми трудовыми успехами встретили День шахтера горняки Московского угленосного бассейна. На снимке молодые шахтеры — передовые производственный комсомолец «Тулауголь» запальщик Виктор Образцов, проходчик Владимир Кошмаровский и машинист электровоза Дмитрий Давыдов. Они ежедневно перевыполняют дневное задание на 130—140 процентов.

Фото А. Мокшедова.

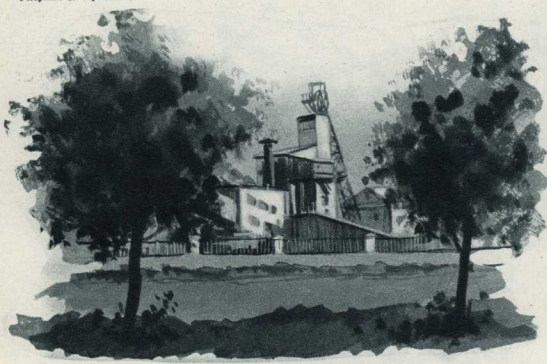

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Август. № 16. 1954 год.

Год
издания
31-й

Алексей ИОНОВ

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПОГОВОРКИ

Шахтерская быль

У нас, на шахте «Азовка», привалился поговорка: «Мы по этому пункту не соренновались». Как попадет кто в недовое положение или случится у кого заминка, ну тогда, он сейчас же пухнет в лад эту поговорку. Пошла она от начал-

ника нашей шахты Ивана Маркьяновича Панчоки. Он первый произнес эти слова и теперь сам не рад.

А вот как это получилось. Сореновались мы с сибирскими шахтерами. И они и мы всегда шли с плавсом, то есть план переувольняли и частенько зная министерства заповсывали. Случалось кое-кому из наших горняков съездить в Сибирь, на шахту «Юрванские угляни», подписывать договор. И к нам приезжали сибиряки на Первое мая, когда у нас, в Донбассе, уже абрикосы стоят в розовых цветах, как невесты, и на демонстрацию народ идет с бюджетами.

Подошли гости по шахте, приметили кое-что новенькое по части механизации, расспросили, записали. Мы ничего от них не скрывали, да и как можно иначе они ж нам шахту помогали воссоздать. А скальнко мы слышали от них всяких советов! Ведь то, что у нас в поселке возят теперь шахтеров на «самодельном» трамвае, — это же от сибиряков пошло!

Поместили мы делегацию тогда в интернате на Топольске — так наш поселок назывался. Интернат у нас — что твоя гостиница: ковры, пианино, цветы, мягкая мебель...

Утром сибиряки решили спуститься в шахту, в один из них — машинист угольного комбайна Максим Селезнев — то ли заговорили с нашими хлопцами до поздней ночи, то ли умаялся в дороге, — никак пронуться не может. Нислау растолкали его. Посмотрел он, что уже без пятидесяти шесть, вскопичи, оделся по-сдастайки и — за бритву. А земляки торопят его: машина ждет. «Да вы, — говорит Максим, — поезжайте, а я поборюсь — прибору». Куда ж он приборчик! Десять минут осталось, а от и все два. Пришлось Селезневу ехать небритым.

Спустились сибиряки на участок «Рыхлый восток». Пролезли по лаве, выбрались

на штрек. Сидят, беседуют. А машинист электровоза Мария Кучеренко слушала-слушала да возьми, чертова девка, и спроси начальника участка: — Что же вы гостей таких привели, небритых? — и указала на Максима. — Не разберешь, — говорит, — парень он или с него уже и налог за бездетность не берут.

Да, вот такая она: за словом в карман не попадает. Максим услышал ее слова и покраснел, как вареный рак. Даже пот его прошиб. Здорово, видать, задело!

Через несколько дней устроили в столовой встречу с сибиряками. Иван Маркьянович напомнил гостям, что если они подметная у нас что-нибудь хорошее, то пусть, пожалуйста, перенимают, мы будем только рады.

Из гостей первое слово взяла Максим. Горнич он хоти и молодой, но, видать, с головой на пачетах.

— Я, — говорит, — первый раз в Донбассе. Все мне тут нравится. Механизация — что под землей, что на поверхности — первоклассная, народ зарабатывает подходяще, обществу у вас образцово. Одним словом, чувствуется забота о живом человеке. Но разрешите, — говорит, — немножко и покритиковать.

И спрашивает у Панчоки:

— Сколько у вас шахтеров живет на Топольске?

А Иван Маркьянович, забыв я сказать, — человек очень оригинальный: никогда не ответит прямо, непременно оставит себе

лазейку. Спросит его, скажем, в тресте: «Дашь к празднику шлепан уголька везе паван?» А он задумается, почнет зытлок и отхитит осторожно, с перестройкой: «Смотря как будут снабжать крепежным лесом». На такой манер он и Максимю ответил:

— Смотря как считать... Ну, сот пять — шесть наберется. Что из того?

— А один старенький электровоз вы могли бы найти?

— Смотря для какой цели, — опять уклончиво ответил Панчока. — Поделом, какой-нибудь завалающий найдется. Так что?

— А вот что, — с укором сказал Селезнев. — На Топольске живет шестьсот душ шахтеров, и всем им приходится ходить пешком в такую даль. А здесь нельзя соорудить, чтобы их возили?

— А разве это есть в договоре? — удивился Панчока. — Мы ж по этому пункту не сореновались!

— Да это невозможно, — отмахнулся Максим и сразу же выложила такой паван: — На лесном складе у вас бегает электровоз. Ча-

СТИХИ САЛБОНА АНГАБАЕВА

Благодарность

Я сегодня прошёл по Москве,
встаю на Ленинских светлых горах.
И в далёких краях,
в молодой синеве
увидял
свой родной Байкал.

Возле бурной, стремительной Гарги-реки
не боялся морозов мои земляки.
Уже много лет—
советских лет—
там ни голода нет,
ни болезней нет.

Возле бурной, стремительной Гарги-реки
о былом не хотят вспоминать старики.
Люди мирно живут, никому не грозя,
на Байкале в родном уюлке.
Там со счастьем
мои одноклассники-друзья
говорят на одном языке.

И за радость,
рождённую в грудной борьбе,
и за песню, что вечно жива,
коммунистам спасибо!
Спасибо тебе,
мать России, столица Москва!

Груша

Прошли дожди, снега обрушив.
И там, где гнезда вьют орлы,
цветёт приземистая груша
на самой лысине скалы.

Над ней синева сквозная,
под ней мхи, да топь, да грязь.
Когда и как, никто не знает,
она на кручу взобралась.

Известно только, что над нами
она и извив, она и вкось,

Вначале речушка
в движении строгом
по низким ступенькам,
по горным порогам
с высотой, что покрыты
зеленым халатом,
спускается, словно
в метро эскаватор.

Потом, раскопавшись,
туманом клубится
и вниз светлогриной
летит кобылицей.
Летит, задыхаясь.
И горное солнце
на взмыленной холке,
как всадник, несётся.

И всадника этого
сбросит пытаясь,
речушка бунтует,
с горы низвергается.
«Постой! Разобьёшься
о наши оскалки!» —
кричит ей надсадно
скуластые скалы.

Но где там! Упрямая,
через ступени
речушка на камни
взлетает вся в пену.
И — вниз головой,
сбросив всадника с холки.
И — вдребезги брызгает!
И — солнце в оскалки!

В Бурят-Монголии хорошо известны стихи молодого поэта Салбона Ангабаева. Они печатались в южесомовской и других тамеях республик. Поэт воспекает новую жизнь своего родного края, вдохновенный труд земляков, которые в дружной семье народов СССР обрели настоящее счастье.

Салбон Ангабаев родился в 1934 году. В настоящее время он учится в Московском литературном институте имени А. М. Горького. На русском языке его стихи печатаются впервые.

Мы помещаем несколько его стихотворений в переводе Вас. Журавлева.

как бы железными шипами
прошила известиях насквозь.

И, полюбивши голый камень
невероятной крутизны,
вцепиалась так в него корнями,
что ей и бури не страшны.

Не запугает непогода
ее, рождённую в борьбе...

Судьба бурятского народа
мне видится в ее судьбе.

С Россией в дружбе да совете
мы наше счастье обрели,
и силы нет такой на свете,
чтоб оторвать нас от земли.

Водопад

И вес... Только звон
бубенчиков по округе,
да вспыхнувшей радуги
яркие дуги,
да важные ветры
визу над лугами,
да белая пена
у скал под ногами.

И вес... Лишь зымывал
грячиси с грачами,
да в горные дни,
пожимая пальцами,
к потоку воды
обращались буряты:
— И сколько же сыма
расходуешь зря ты!

Запрячи же тебя вот!
И дыды веками
беспомощно здесь
разводилан рутками:
— Запрячи же тебя вот!
И люди ту реку
заставили все же
саужить человеку.

Заставил все же!
И ныне в округе
я вижу, товарищи,
вижу, лодуги,
как в каждом кодохозе
и в каждом оконце
сверкает
с вершины сошедшее солнце.

На диких гольцах

Вот на гольцах я стою.
А визу
воины Байкаала
кипят, как в грозу.
И серебрятся, купаюсь в заре,
воды речушек, речек и рек.
Шалю чередой за годками года.
Только никто не забирался сюда.
На эти вершины, на это плато
не поднимался никто.

Деды пугали, пугали отцы:
— Зачем на гольцы?
— Для чего на гольцы?
Альдины там сколязки,
ветер суров,
нет ни лесов,
ни травы,
ни цветов.

Что ж... Справедливость
в словах этих есть:
словно минер, ошибается здесь.
Словно минер
в свой трагический час,
здесь ошибается
только лишь раз...

Пашет, и пашет,
и хасчет прибор.
Воины Байкаала кипят под тобой.
Воины Байкаала
слезят, как пурга,
над обалаками висят берега...

Вот по гольцам
я иду среди льдов.
Здесь ни людских,
ни звериных следов.
Только над гайбом дальней скалы
крылья свои распростерли орлы.

В эти края,
где ни стойбищ, ни сел,
недра земли открывать я пришел.

И потому, наступаю на льды,
всегда свои оставляю следы.
И потому по тропе озерной
вышки геологов ходят за мной.
И потому мое сердце в груди
словно играет, словно гудит.

Александр РОЗЕН

НЕЛЕГКОЕ НАЧАЛО

Рассказ

После работы Лизу Андрееву вызвали в отдел кадров. Обычно она не задерживалась на заводе. Сидеть заклад и перчатки, в которых она мыла бутылки, и накинуть на себя жакетку — минутное дело. Уже на лестнице девушка надевала самодельный вязаный беретик — и бегом через двор, через проходушку с пропуском, открытым заранее, потом через сад, прямо к трамвайной остановке. Ничего не подешавши, надо торопиться, когда живешь без своей жилищной, у чужих людей, и не за деньги, а «просто так». Надо успеть помочь по дому: вытопить печь, приготовить обед, убрать квартиру... Да мало ли еще какие дела тебе гут!

Три года Лиза служила у Парковых домработницей. Место вступилое, без детей, она работала. Люди вежливые, культурные. Когда Лиза сказала, что уходит на производство, они и она завидовали: «Чем тебе у нас плохо? Ты скажи: в чем дело?»

Лиза упрямо молчала, а Алексей Дмитриевич долго рассуждал, что вообще молодой девушке не место в домработницах, но шиваренный завод — это тоже ерунда. Лиза весь вечер ходила, как потерянная. Вытирала пыль с буфета, развела красивую тарелку.

— Лиза, — сказал Алексей Дмитриевич, — в конце концов мы можем приваить тебе зарплату. Ну, дело твое, как хочешь, но маленькая, двадцатый год пошел...

— А где ты будешь жить? — спросила Вероника Николаевна.

— Обещали общежитие. На очередь записали.

— А до этого?

— На этот вопрос Лиза и сама себе не могла ответить.

Всю ночь она не спала, но ничего путного не придумала. Утром Вероника Николаевна сказала ей:

— Мил, Лиза, к тебе привыкли, и ты для нас не чужая. Пока можешь жить у нас. Когда будет время, поможем...

Общежитие было главной дилеммой мечтой, и даже не столько потому, что она получала свой собственный уголочек, сколько потому, что это обрести ставило ее в равное со всеми положение.

Со дня на день эта мечта могла осуществиться, но чем ближе, тем больше Лиза боялась, что все вдруг сорвется. С этим чувством она и побежала в отдел кадров.

Заведуемого не было. Лиза целый час прождала в жарко натопленной комнате, не снимая жакета и беретки и спрятав лицо в воротник. Наконец девушка-управделами сказала ей: — Дружнев задерживается. Как ваша фамилия?

— Андреева...

— Андреева Елизавета Павловна? На общежитие заявление подávajíт? Вам нужно пойти к Ромкиной. Знаете Ромкину?

Лиза кивнула головой. Ромкину, команданта общежития, веселую, крепкую женщину лет пятидесяти, на заводе знала все.

— Идите к Ромкиной. Она уже ждет. Она вас устроит в общежитие. Вы бы мне сразу вашу фамилию сказали, а ты я думала, лично Дружнева ждете.

Лиза очень обрадовалась, а боты побежала вниз, через двор, через проходушку, через садик. Трамвай останавливался у самого берега Невы. Рабочее время кончилось, было почти безлюдно. Только двое парней, один в пушистой пыжиковой шапке и полуубеге, другой в кепке и пальто, громко разговаривали. Увидела Лизу, один из них, тот, что был в пыжиковой шапке, подмигнула товарищу и сказала:

— Смотри, какая симпатичная!

Лиза сразу же повернулась к ним спиной и стала внимательно разглядывать склепывающую льдом Неву и противоположный берег, где высились корпуса текстильной фабрики.

Все, что она видела каждый день, сегодня ей казалось новым, интересным и необыкновенно красивым. Петитажные корпуса текстильной фабрики были так ярко освещены изнутри, что казалось, там жгут фейерверк. Правее по берегу над вывеской Дома культуры снежное облако поминутно меняло цвета — синий, красный, оранжевый. Легее жужжали сотни новых домов. Там находилось линейно общежитие.

— О чем ты девушка так задумалась? — спросил парень в пыжиковой шапке.

— Брюсь, слышишь, брюсь, — сказал дружок. «Ох, какое глумле!» — подумала Лиза.

В это время подошел трамвай, она быстро всколыхнула на площадке. Одновременно с ней всколых и парень в пыжиковой шапке. Лиза хотела войти в вагон, но парень загородил ей дорогу и весело сказал:

— Кондуктор, получите за двоих!

— Ничего подобного, — запротестовала Лиза. — Кондуктор!

— Неужели из-за этого поссоримся? — все так же весело спросил парень.

— Я с вами и не мирилась и не ссорилась, — отрезала Лиза.

— Да ты ты, не знаешь меня? — вдруг метнул ты, спросил парень. — Знаешь или нет? Я тебя спрашиваю.

Лиза взглянула на парня: если смотреть без преубеждения, — на хулигана не похож; пожала плечами, отвернулась и стала смотреть на улицу.

— Так, — сказал парень. — Не узнала. Хорошо. Орехов — моя фамилия, Орехов Федор, Ясно?

Лиза не ответила: ну, Орехов, ну, Федор, ей-то что?

Но парень, видимо, обиделся. — С пыжовенного? — спросил он резко.

Лиза кивнула головой.

— Из минерального? Вот видишь, я-то вас всех знаю. На мойке работаете? Так... Давать сельского была на собрании?

Лиза покачала головой.

— Да ты что, немая? — рассердился парень. — Ну, что на собрании-то было? Кто доклад делал?

Лиза поджала губы и еще пристальнее стала рассматривать улицу.

— Слушай, девушка, — раздражением начал Орехов, но, взглянув на Лизу, махнул рукой и замолчал.

Приятного легкого разговора не получилось. В конце концов, нет так нет, да и через остановку пора выходить. Но Орехов проехал и свою остановку и еще два и все проехал и стоял на площадке вагона.

Девушка ему нравилась, хотя и была совсем не в его актуе. Ему нравились стройные, быстрые, легкие, такие, как автоматична Люся Морозова из «пиво-роллинга», в особенности, когда

она в спортивном джемпере и лыжной шапочке. А у этой девушки лицо бледное, взгляд накумриренный и замкнутый. Но, увидившись, в этой ироничной замкнутости и было что-то привлекательное...

— Почему она его не узнала? Все-таки Федор Орехов — не последний человек на заводе. В микрореалье он сто раз бывал, и когда туда приходил, девушки переглядывались и прихорашивались... Она, наверное, угадалась в свои бьюти... Ну, а его погуглит на Лисею почта? А статья в газете: «Слесари Орехов — новатор производства?»

— Лиза незаметно взвинула на Орехова. Чудак какой-то! Обиделся, что не пришла на собрание...

— Тебя как зовут? — спросил Орехов.
— Андреева Лиза... А что?
— Да ничего, просто надо же знать.
— Совет не обязательно.
— Ну, ладно, ладно... Почему ты на собрании не была?
— Не была и не была.

— Это дело тебя касается.

— Лиза злобно уставилась на Орехова. Похоже, что говорит всерьез. И вдруг равнозначное: может быть, на собрании о ней говорили? — А что там нас касается? — спросила Лиза дипломатично. — Я орму выполняю, и бой у меня молниеносный.

— Да не в этом дело... перебил ее Орехов. — Руки у тебя мерзнут, когда бьются мошешь? Надо было подумать, как ответить на этот вопрос: нет ли здесь подвоха?
— У всех мерзнут — сказала она осторожно.
— Ну, никто, что у всех. У всех — значит, и у тебя тоже.

— Лиза догадалась: никакого разговора о ней на собрании не было. Просто парню захотелось так похвастаться. Лезать ему нечего. А кондуктор уже объявил: «Морозов пошел». Выходить надо.

Но парень оказался на редкость настойчивым. Вслед за Лизой он вышел из трамвая. Лиза шла на склад, что в минимальном цехе будут установлены автоматы? Как это стоить там нас касается? В минерале автоматы будут куда более современными, чем в «аппарате». И он, Федор Орехов, один из изобретателей. Три инженера и сд, сле, сларь... Теперь комсомольская организация взяла над этим делом шефство. Сам Грisha Золотухин, комсомольский секретарь, ну, тот, что до моего замка на острове стоял, он всем и управляет...

— Если и пойду домой, он и туда потащится», — подумала Лиза и решила пуститься на хитрость, останавливаясь возле проходного двора и сказала:

— Ну, все.
— Ну, что, жемчье здесь?
— Лиза кивнула головой.
— Могу зайти, — предложил Орехов. — Уж ежели так случится, так я тебе все разъясню.

— Нет, нет, — испугалась Лиза, — не пойду. Я с тетею живу.

— Не съезж же меня твою тету.
— Нет, нет, не пойду, — повторила Лиза.
— Слушайте, Лиза, — сказал Орехов, — можете хоть где угодно обо мне спросить. Сегодняшняя в Доме культуры пищевой промышленности хорошая концерт. У меня есть два билета. Пошли?

— Вы их не для меня брали, — сказала Лиза и побоялась по слову дождаться, что сумеет озвучить парня и отделаться от него.

Парнишек не было дома. В кухне на столе лежала записка, написанная как всегда, крупно, разборчиво: «Лиза! Мы придем поздно, excuse ourselves, сядь сестры и сядь сестры на завтра. И прибери в комнатах. Вероника Николаевна».

Выражение «если сможешь» появилось неожиданно и было Лизе неприятно: подчеркивалось, что теперь Лиза — человек совершенно свободный: хочет — варит суп, хочет — не варит. А именно это всякий раз напоминало о ее зависимом положении. Но сегодня Лиза никакой обиды не почувствовала. «Все слазало хорошо, пусть вспоминают меня добром», — подумала она и подбежала к окну.

— Кто его знает, этого Орехова! Бывают же такие настойчивые... Может быть, догадалась, что двор проходной. Но пыжиковой шапки в иде не было видно, и Лиза следила от окна, пожав плечами: «Не догадалась...»

— Она отошла от окна и принялась за работу.

Настроение ее как-то странно упало. Завтра ей предстоит перебраться в общежитие. Значит, завтра и начнется новая жизнь? Та самая жизнь, о которой Лиза столько мечтала? Но насколько того, чтобы радоваться, она грустила, сама не зная, почему.

Лиза включила радио и принялась за уборку квартиры. В это время диктор сказал: «Передаем концерт из Дома культуры пищевой промышленности — завтра оркестр, и Лиза стала еще более грустно. На этот концерт ее и звал Федор Орехов... Ну вот еще, с первым встречным ходить на вечер!.. Но разве Орехов — «первый встречный»? Человек, известный на заводе. Про автоматы он, конечно, правду сказал. Был такой разговор, это верно. Сидит сейчас с какой-нибудь девушкой. Мало ли их на заводе! И не в такой простужкой, как Андреева Лиза, а может быть, с Лисью Морозовой...»

— Лизу как варом обожгло: так ясно она представляла себе Лисью Морозову в джемпере и в спортивной шапочке... Она подошла к большому зеркалу, внимательно осмотрела себя. В конце концов, все можно наладить.

— Она заставляла себя думать о будущем, а вместо этого думала о прошлом.

Конечно, многое изменилось с тех пор, как Лиза начала работать на заводе. Это так. Но она стыдилась, что живет у старых хозяев, — не совсем доместичный, но что-то вроде этого — и, чтобы избежать распросов, держалась особняком. Она и в отделе кадров сказала, что живет у родственников.

— Вспоминала Лиза и свою жизнь у Паркосовых. Жить было не трудно, но очень трезвожидо: боялась, что ее никуда не возьмут на производство. «В наши дни, Лиза, без образования нельзя», — не раз говорил ей Алексей Дмитриевич. Вероника Николаевна определила Лизу на курсы кройки и шитья, и месяца два Лиза мечтала стать портнихой. Но как нарочно часы занятий на курсах совпадали с какими-нибудь всевозможными домашними делами, и пришлось бросить. Тайком от Паркосовых она пробовала устроиться кондуктором, но в последний момент отступила: боялась ответственности — все-таки деньги.

Вспоминала Лиза и раннее детство, свою жизнь в Дачном. Тогда ей было очень хорошо. Была жива мать, заботилась о Лизе, и хотя живя Андреев лебогатор, но очень красиво. Светлые обои — гилянцы и вазы, вазы и гилянцы — и много цветов в кадках на полу и

смешанный запах нафталина, лаврового листа и вальеряновых капелек.

Евдокия Ермолаевна торговала в то время жареными семечками, потом пирогами на настоящем козосовом масле, потом старыми шляпками, булавками и юнками. А Лиза помогала ей и бегала с юнкой на базар. Потом тети Дуся бросила свое ижевскую торговлю и пристроилась в инвизидую артель индивидуиель, и Лиза вместе с нею клеила конверты и томила какие-то иголки, кажется, для зубных оршей.

Потом пришел инспектор района, накрыл на тету, и Лиза пошла в детский дом. Детский дом только что вернулся из эвакуации, с Урала, дети были в красивых ватниках и двух-двух утистых шапках. Лизе тоже выдали красивый ватник и шапку, но в эвакуацию дети учились, как до войны, а Лиза в одиннадцатый лет снова вышла в первый класс и училась с мальшиками. Потом был суд: у тети Дуси, оказывается, были какие-то бумаги об учоеренении, и Лизу вернула домой. Спустя полгода снова пришел инспектор района, и Лиза стала ходить в школу, и снова в первый класс. Училась она плохо. Говорили, что она способная, но лентяйка. Может быть, конечно... Хотя главное было в том, что она, почти взрослая, училась с мальшечками, и ей было стыдно сидеть за одной партой с мальшиками. Она мечтала о самостоятельной жизни.

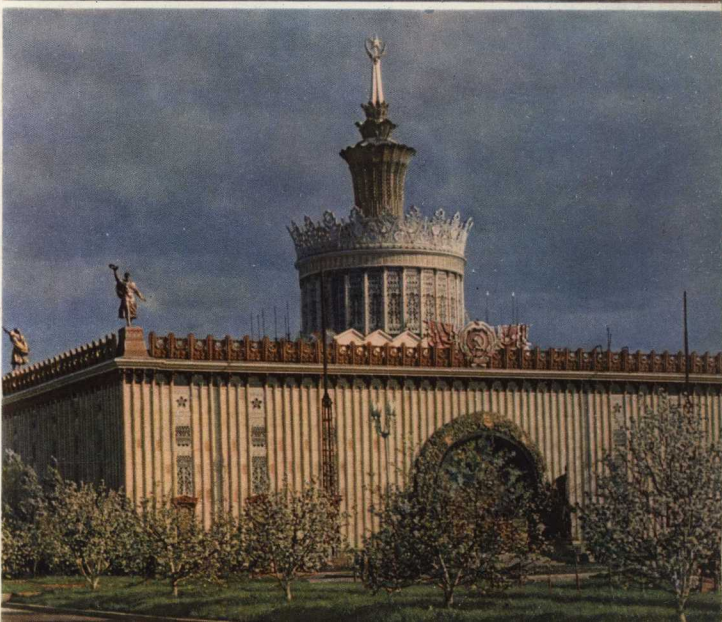
Осенью пятидесятого Лиза исполнилось шестнадцать лет, и она получила паспорт. Это уже было начало независимости. Дачное ей опротивело, и она собралась ехать в Ленинград: там можно было все начать сначала. Тети Дуся называла ее сумасшедшей, пахала и упрекала за лебогадность а за «каменное лицо», с которым Лиза все это выслушала. Потом, уже на станции, она сунула Лизе записку с адресом дачников, симвавших у тети Дуси комнату еще до войны. Это и были Паркосовы.

Лиза включила радио, концерт так и не слушала, хотела написать записку бывшим своим хозяевам, но так неувядела самая детская неутолимый почерк, что сморкала листок, бросила в мусорное ведро и легла спать. Она слышала, как пришла Паркосовы и Алексей Дмитриевич сказал: «Безе мой, дождитесь совершенно перекарены!» — как Вероника Николаевна сказала: «Гмше, тине, ты же видишь, что человек спит, а завтра ей в шесть вставать».

на подоконнике... А потом началось страшная пора. Первого сентября Лиза пошла в школу, а семнадцатого немцы разбомбили их дом. Все погибло, и только она, Лиза, спаслась. Ее взяла к себе тетя Евдокия Ермолаевна, не родная тетка, а «тетя Дуся», двоюродная сестра отца. Лиза до сих пор помнила запах ее комнаты.

Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. Павильон «Центральная область». Здесь демонстрируются достижения труженников сельского хозяйства Калининской, Великолукской, Смоленской, Ярославской, Костромской, Ивановской и Владимирской областей Российской Федерации.

Павильон
Украинской ССР.
Фото М. Леонидова.

Всесоюзная сельскохозяйственная выставка,
Павильон «Водное хозяйство».
Фото М. Леонидова.

Николай РОССИЙСКИЙ,
лауреат Сталинской премии

ДЕЛО ТВОЕЙ ЖИЗНИ

Покидая стены родной школы, сотни тысяч юношей и девушек задают себе вопрос: «Кем быть?»

Едва ли в юности есть более важный вопрос, нежели выбор профессии, выбор жизненного пути. Чем же руководствоваться, что опираться при выборе специальности?

Более ста лет назад шестидесятилетний Карл Маркс, будучи воспитанником трирской гимназии, в сочинении на тему «Размышления юноши при выборе профессии» писал:

«Главным мотивом, который должен нас направлять при выборе профессии, является благо человечества, наше собственное совершенствование. Не надо думать, что оба эти интереса могут враждебно выступать друг против друга, что один должен уничтожить другой; природа человека устроена так, что он может достичь своего совершенствования, только работая для совершенства, для блага своих современников.»

Прекрасные, мудрые мысли! Перечитывая параграф том сочинений Маркса, я задумался над этими словами, которые наводят на серьезные размышления о жизненно-важных вопросах, волнующих нашу молодежь.

Советские юноши и девушки идут на производство, в сельское хозяйство, в науку, в искусство, в военные училища, в воздушный или морской флот по своему собственному выбору, по внутреннему влечению. Условия нашей жизни таковы, что дают возможность каждому выбрать себе профессию не по принуждению, а по личной склонности. Учиться и работать, наша молодежь может развивать в себе творческие силы и способности, необходимые нашему обществу, развивать их с максимальной пользой для себя и людей.

Когда-то и мне на пороге самостоятельной жизни пришлось задуматься над выбором специальности.

Я тогда только что закончил сельскую школу-семилетку и пришел в Москву. Это было время первой пятилетки. В стране шло невиданное строительство новых заводов, фабрик, шахт. Одно предствления о том, какую избрать профессию, у меня не было. В первые дни в огромном шумном городе я как-то растерялся, не знал, с чего начать поиски. Выручил меня из затруднительного положения один из моих товарищей — ученик школы ФЗУ завода «Красный пролетарий». Он так интересно и горячо рассказывал о своей учебе, что я, не колеблясь, решил поступить в эту школу. ФЗУ подготавливало рабочих для строящихся в то время заводов «Калибр».

Впервые я встретился с таким большим коллективом. У нас было много квалифицированных учителей из числа лучших рабочих заводов, но особой славы среди них пользоваться Латышев. Он был уже стар, однако с родным цехом не расставался. Здесь же, на заводе, работали его дети и внуки.

Старый токарь показывал нам массу интересных вещей, выточенных его руками: шар, конус, пирамиду. Каждый из нас, ирфабляйхт, мечтал стать таким умельцем, как Латышев. Этого замечательного мастера я никогда не забуду. Именно благодаря ему я полюбил свою профессию, нашёл дело своей жизни — стал инструментальщиком.

Больше двадцати лет я проработал на заводе «Калибр». И с каждым годом мне все больше и больше нравилась моя работа. В стенах завода я стал старшим мастером, вместе со своими товарищами добился значительных производственных успехов, организовал первый в стране цех коллективного стахановского труда. За работу на родном заводе получила высокую награду — Сталинскую премию.

В капиталистическом обществе, где существует эксплуатация человека человеком, труд простого рабочего не пользуется ни уважением, ни славой.

Странцы американских газет и журналов пестрят портретами кинозвезд, миллионеров и даже знаменитых гангстеров, или, попросту говоря, бандитов. Но вы не найдете там фотографий токаря, тракториста, рыбак.

Знакомые и привычные теперь слова «знатная синяк» и у нас в дореволюционные годы вызвали бы только ироническую улыбку и недоумение. Ведь труд в царской России являлся заторным бременем. А сейчас разве может кого-нибудь удивить, что в нашей стране есть тысячи прославленных синяков, дозор, чабанов, шахтеров, литейщиков и людей многих других профессий, которые в капиталистическом обществе считаются унизительными. Труд в нашей социалистической стране — дело чести, дело славы, дело доблести и героизма. Поработал человек как полагается, с душой, с огоньком — по труду ему и слава.

В этой связи мне хочется рассказать о знатной трактористке Прасковье Ангелиной.

Несколько лет назад Ангелина получила письмо из Нью-Йорка, от издателя «Мировой биографической энциклопедии», в которой печатаются биографии выдающихся людей. К письму была приложена специальная анкета с многочисленными вопросами. На вопрос «Начало карьеры» Ангелина ответила: «С 1920 года начала батрачить вместе с родителями у кулака, с 1930 года по сей день трактористка».

А в письме, адресованном американскому издателю «Мировой биографической энциклопедии», трактористка писала: «...я прочла в журнале жизнеописание одного господина, который «вышел из народа». Он был простым разношочным газет, в потом нажил миллионы, стал владельцем многих газет, произведен в лорды... И я подумала: вот импелютуют две биографии — мою и лорда. Я на «А», а его фамилия на «Б» (имеется в виду лорд Бивербрус.—Ред.).

И если тот господин, как сказано в журнале, поднялся из народа и вышел в лорды, то я поднялась вместе со всем народом. Вот в чем главное. Работа на тракторе для меня — больше, чем просто «должность». Это — мое место в борьбе за пятилетку... источник радости, достатка, славы.

Ангелина первой из советских женщин двадцать пять лет назад села за руль трактора. За эти годы она выросла, получила образование. Неоднократно ее пытались перевести на другую работу, предлагали ответственные должности. Но она неизменно отказывалась. П. Н. Ангелина — попеременно бригадир тракторной бригады Старо-Бешевской опорно-показательной МТС имени А. С. Жданова.

Она Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской премии, депутат Верховного Совета СССР, награждена многими орденами и медалями.

Так высоко ценит наш народ самоотверженный, доблестный труд. Каждый советский человек, если он отлично знает свое дело и работает с полным напряжением сил, на любом поприще может заслужить всемирное признание и славу.

Наше государство нуждается в самых разнообразных специалистах — в инженерах и каменщиках, во врачах и трактористах, в архитекторах и шахтерах, в агрономах и токарях. Стране нужны не только люди, окончившие университеты и институты, но и миллионы специалистов со средним техническим образованием.

Наше высокоразвитое социалистическое производство не может обходиться без образованных рабочих. Многие специальности требуют знания математики, физики, геометрии. Кстати говоря, некоторые молодые люди имеют весьма смутное представление о техническом уровне современного производства, не знают, сколь многообразна в нашей стране труд рабочих различных специальностей. Каменщики теперь уже не возбраняется не леса с грузом кирпичей за плечами, — кирпичи

Интересно послушать учащимся ремесленного училища № 14 при заводе «Калибр» прославленного мастера Николая Российского.

Подвиг Якова Филиппова

поднимаются мощными рычагами. Кузнец не ордует упрямой тяжелой молотом, а управляет большой машиной. Молот не кричит, а работает автоматически кистью — он только следит за работой красной камеры. Но для того, чтобы работать такими сложными механизмами, малар или кузнец должны быть людьми образованными.

В некоторых семьях разражаются трагедии, если сына или дочь постигает неудача при поступлении в вуз. А между тем ведь можно работать и учиться.

Беспорно, это значительно труднее, но зато, учась и работая, молодой человек не только повышает свой общеобразовательный уровень, но и приобретает профессию. Я тоже в свое время без отрыва от производства окончил техникум.

В работе на производстве, конечно, ни девушка никогда не обходится в выборе высшего учебного заведения. Мне рассказывали об одном выдающемся советском конструкторе, который посоветовал своим сыновьям по окончании средней школы год работать на заводе. Только после «производственной закладки» они поступили в вуз. Сейчас один из этих юношей стал конструктором, другой учится в институте, третий делает металловую, третий поступил на машиностроительный факультет.

У нас в стране не найдется такого завода, где бы не было рабочих, получающих образование в вечерних школах рабочей молодежи, техникумах и институтах. Число обучающихся ежегодно растет из года в год. И, как правило, знания этих людей в избранной ими специальности более глубокие, прочные, чем у тех, кто заканчивает институт, минуя производство.

Но встречаются еще, к сожалению, и такие молодые люди, которые, не чувствуя в себе призвания ни к одной из профессий, все же продолжают хотеть после окончания школы попасть в высшее учебное заведение.

Их совершенно не интересует, в какой институт они попадают. Главное, по их мнению, — это получить высшее образование. А живя дипломом, они готовы устроиться на любой работе, лишь бы жить в крупном городе.

И нередко приходится с горечью слышать, что агроном работает продавцом в магазине, врач — секретарем в какой-нибудь конторе, зоотехник — счетоводом. На мой взгляд, это пустые, никемные люди, пошлесты в жизни.

Подвигаются большинство нашей молодежи к выбору будущей профессии с точки зрения удобства. Обычно это выбор базируется на деньгах. Мечта, зародившаяся еще в стенах школы, превращается в действительность в шее завода, на колхозном поле, в аудиторских техниках или вуза.

Сейчас я учусь в высшем учебном заведении. Хотя и трудно было мне первое время, а добился того, что стал отличником. Тысячи студентов, как и я, студенты отдадут себя целиком подготовке к будущей работе, к великому делу своей жизни.

Лишь тот может стать мастером своего дела, по-настоящему полюбить свою профессию, кто, не боясь трудностей, без устали совершенствует свою специальность.

Вспомните замечательного князя Бажова, где говорится о молодом парне, который перепробовал множество разных дел, а в конце концов стал геологом.

Старый мастер, делавший уголь, раскрыл перед ним столько нового, интересного, что парня, как говорится, «защепили». Всей душой полюбил он свою работу. И пусть другим она казалась грязной — для него היא не было ничего мляе.

Большое счастье — быть настоящим мастером своего дела! Хорошо говорят об этом в повести Федора Гладкова «Клятва рабочий Шабонов»:

«Я люблю свой станок, люблю делать вещи прекрасно — так, чтобы они играли, радовали, жили в моих руках, как произведения искусства. Иногда я испытываю подвиги великие, когда брад в руки счастья. Иногда я испытываю подвиги великие, когда брад в руки счастья. Иногда я испытываю подвиги великие, когда брад в руки счастья. Для меня нет высшего наслаждения, как сознание, что эта созданная мною вещь — не просто металл, механически обработанный фрезером, а часть моей души, — мое вдохновение, моя любовь, моя искания».

В своей жизни я видел много таких людей, влюбленных в свой труд, в свою профессию, — и в нашей стране и в странах народной демократии.

И каждый из них — будь то токарь или тракторист, сталевак или слесарь — считал, что его профессия самая лучшая, что это его труд самый мужской и каждый из них был по-своему прав.

Для нашей действительности характерен тип людей беспокойных, пытливых, глубоко сознающих свой долг перед Родиной.

Токарь-скоростник, повышая обороты своего станка, сознает, что чем больше он даст деталей, тем скорее будет выполнен план пятилетия.

Десушка-шуткачур, стремясь лучше отдалить заднюю, знает, что оно трудится для счастья советского человека.

Тракторист, делая первую борозду на целинной земле, мысленно видит то изобилие продуктов сельского хозяйства, к которому идет наша страна.

В тысячу тысяч юношей и девушек выступают ежегодно в самостоятельную жизнь.

Вперед их ждет радостный творческий труд. И если они по-настоящему полюбают свое дело, то успешно решат все задачи, поставленные перед ними.

В одном нужно твердо помнить «новобуку», избравшему ту или иную профессию, ту или иную специальность: уж если взялся за дело, которому посвятил свою жизнь, то не отступай, не боясь трудностей, иди вперед и вперед.

Комсомолец Яков Филиппов — солдат, служивший одной из авиационных частей.

Родился он и жил до армии в небольшом селе Мужик на Малой Оби, у самого Полярного круга.

...Шли обычные занятия парашютистов. Самолеты поднимались над аэродромом, и из их люков вылетали парашютисты, прыгающие в кроткие фигуры. Через мгновения в воздухе раскрывались парашюты, становились на высоту. Командир внимательно следил за тем, как парашютисты прыгали, парашютились.

И вдруг все замедлилось необычайно. Одна из тех, отделившись от самолета, стремительно падала. Она летела вперед, грубо падала, пытаясь вырваться из кроткой позы парашюта.

Вот уже совсем было различил фигуру падающего человека, почему-то не сумевшего раскрыть парашют. Так эта фигура обрисовалась с белыми куполами и на долю секунды нависла над аэродромом.

На аэродроме, затая дыхание в предчувствии непоправимого несчастия, молча ждали, что будет дальше. И вдруг тиготную тишину нарушила громкая команда:

— Он схватил его!

Пол одним куполом теперь опустился двое парашютистов.

Видно, в тот момент, когда падавший человек пролетал мимо самолета, командир заметил, что тот из них сумел схватить его и удержать, соскочив с парашюта. Видно о том, что парашют не рассчитан на такую высоту и вес.

Находясь на высоте, молодой теперь волею: выдернул ли парашют, дернул, не выдернул ли парашют, дернул при слухе. Боковой ветром больше не распахивая в стороны купола парашюта, а держась почти вертикально.

Трагедия завязалась и в минуту вероичного изменения парашютистов раванас санитарная авиация. За минуту вылетел вертолет из присутствующих.

Но опасения были напрасными. Парашют оказался только небольшим шумом ушибам.

...Лишь почувствовав толчок о землю, солдат Филиппов газки свои руки, целью державшего офицера Маслова. Оба парашютиста очутились упили, но тут же вскочили на ноги. Офицер по-братски обнял солдата и поблагодарил его.

— Спасибо вам, товарищ Филиппов!

«Недавно в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца главный редактор «Красной Звезды» был вручен орден Красной Звезды за спасение жизни парашютиста».

Л. ФИЛАТОВ

Студенты семьи Ивана Громова

В лесной глухомани в одном из захолустных уезгов старой Латвии затонула мальчуган, девушка Зинабюра — несколько лет назад — беднячка, бед, кривая, с черной челкой до локтей солдата. В одной из таких бед жила семья Иванова Захаровича.

Иван Захарович владел небольшим личным хозяйством земли. Здесь, конечно, приходилось старому земледельцу «Поросневши ужом о будущее» — Юриков ни с кем не считался. — Земли у меня, сами знаете, столько...

Но о каком будущем могли мечтать дети Громова в те дни? Иван Захарович и жена его, Прасковья Миленка, сами нитко не учились, были довыми, что их дети тоже будут умнее их самих.

Как тыловые сон, вспоминает теперь Иван Захарович свое прошлое. С приходом Советской власти неузнаваемо преобразилась вся Латвия. Заблужденные крестьяне объединились в сельскохозяйственные кооперативы и кооперативы. Полюбовья везден и семья Громова. Сыновья получили среднее образование и поступили в высшие учебные заведения.

Вспомнил Громова, в этом году уже заканчивает Рижский медицинский институт. Это мечта — работа в своей области. И вот уже решил стать и Алесей — вступил в ряды авиационных летчиков — от фашистских захватчиков. Он служил в знаменитой Панфиловской дивизии и носил медальки нескольких орденами и медалями.

Младшие братья, Семен и Борис, — студенты Латвийской сельско-лесной академии. Семен будет инженером-механиком, а Борис — инженером-проектировщиком. Сейчас он разрабатывает проект типичного здания сельской школы.

Крепкая дружба связывает молодого Громова с его старшим братом. Вместе они часто встречаются.

Борь и сегодня в уютной комнате общаются с медицинскими студентами Григорий и Алесей принимают дорогих гостей — Семена и Бориса.

Гардируется стук в дверь. Кто-то ошенился, в комнату входит соседка Миленка. Миленка могут гордиться своим детьми: они выбрали правильную дорогу. Любовь и уважение к труду — вот и чему научили их с детства Иван Захарович и Прасковья.

И Григорий, в этом году на летние каникулы в родное захолустье, их часто можно видеть на охоте, на току, на рыбалке, на охоте. Берут они в руки винты, пистолы, ножи и снайперские прицелы. И они снова все вместе побывали в родном колхозе.

Д. ТИМОШЕВ

МОЛОДЕЖЬ НАСТУПАЕТ

На обложке нашего журнала помещен снимок двух велосипедистов. Это заслуженный мастер спорта, неоднократный чемпион и рекордсмен страны Игорь Васильевич Ипполитов и его сын Виталик, тренирующийся на маленьком велосипеде.

В семейном альбоме Ипполитовых есть еще одна фотография. На ней, как и на нашем снимке, тоже запечатлены два велосипедиста. На одном велосипеде — известный русский конькобежец и велосипедист Василий Афанасьевич Ипполитов, а на другом, маленьком, его пятнадцатилетний сын Игорь. Этот снимок был сделан в 1924 году. За 30 лет, прошедших с того времени, Игорь вырос в одного из лучших советских конькобежцев и велосипедистов-трековиков, сменив отца на спортивной дорожке. Его результаты не один раз вписывались в таблицу рекордов Советского Союза.

Теперь Ипполитов перешел на тренерскую работу. Но дилетанта велогонщиков Ипполитовых не сдает своих позиций в составах на велотреке. Виталик Ипполитов упорно изучает приемы гонки, которые позволяли его отцу добиваться больших успехов. Недалеко то время, когда юный велосипедист займет достойное место в ряду молодых мастеров велогонки.

За последние годы все больше и больше молодых велосипедистов приходит на велотреки страны. В числе лучших из них Ростислав Варгашич, Вадим Баваалов, Василий Рабоцков, Олег Дадуняшвили.

Молодые велогонщики повели планомерные атаки на результаты, достигнутые «стариками» — Игорем Ипполитовым, Василием Батаевым и другими. Теперь ряд всесоюзных рекордов принадлежит младшему поколению велосипедистов. Ростислав Варгашич, которому всего лишь 21 год,

прошел дистанцию в 200 метров более чем на секунду быстрее Батаева, показав время международного класса. Он значительно увеличил скорости и на других международных дистанциях. Так, дистанцию в 500 метров с хода он прошел за 30 секунд. До мирового рекорда профессионала Мишара он не добрал всего лишь 0,2 секунды. А ведь Мишар установил свой рекорд на легчайшем деревянном треке!

Варгашич улучшил свой мировой рекорд на 1 000 метров. Те-

1924 год. Известный велогонщик заслуженный мастер спорта СССР Василий Ипполитов со своим сыном Игорем.

перь его достижение равно 1 минуте 10,2 секунды.

Высокое спортивное мастерство позволило нашим трековым гонщикам в июне 1954 года одержать победы в международной встрече с сильнейшими велосипедистами Румынии и Польши.

Немалых успехов добились и советские шоссевики.

За последние два — три года у нас стали часто проводиться многодневные шоссовые гонки, особенно в этом году: в Российской Федерации, на Украине, в Белоруссии, в Грузии и Армении.

Нигде так не растет мастерство велосипедистов, как в многодневных гонках. Ведь каждый этап этого соревнования представляет собой отдельную гонку. За 15 дней всесоюзного велотура спортсмены, особенно молодежь, в упорной борьбе за первенство приобретают новые технические навыки, учатся тактически правильно вести соревнования.

Многодневные гонки выявляют таких талантливых велосипедистов, как Родислав Чикиков (чем-

пион СССР), Евгений Немцов, Евгений Клевцов, Виктор Вершинин. Эти спортсмены-армейцы стали гонщиками международного класса.

Однако отсутствие опыта в гонке по любой дороге неблагоприятно сказалось на результатах многодневного велотура. Как только участники многодневных гонок, развивавшие на асфальте скорость более 50 километров в час, попадали на дорогу, покрытую разбитой щебенкой или — что еще хуже — леском, они сразу терялись.

Нашим сильнейшим велосипедистам, таким, как Чикиков, Немцов, Вершинин, славящимся умением на самом плохом шоссе находить «глазую» дорогу, не мешало бы поделиться опытом с другими молодыми велогонщиками. Это способствовало бы поднятию велосипедного спорта, тому, чтобы уже в будущем году в «гонке мира» советские велосипедисты оспаривали первое место.

В. ДАЙРЕДЖИЕВ,
мастер спорта.

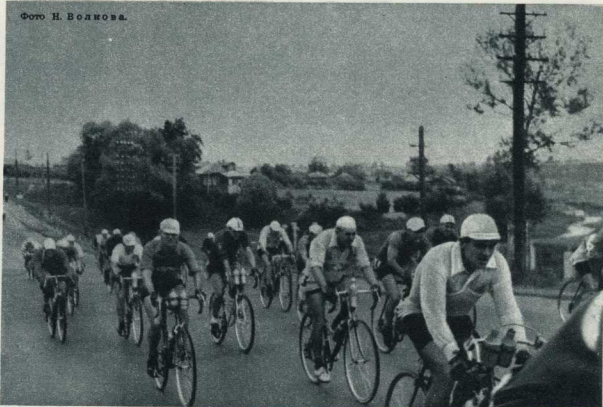

Фото И. Волкова.

Участники многодневной гонки на шоссе Москва — Тула.

они хотят плавать

На пляже в Химках. Этим мальчуганам очень хочется научиться плавать...

Фото В. Романова и Н. Хренникова.

Жаркое лето выдалось в этом году. Ежедневно тысячи юных восвиечей заплывают в Серебряном бору, в Кучуеве, в Химках. Хорошо в знойный день нырнуть в прохладную воду, поплавать! На пляже возле водной станции «Динамо», в Химках, расположилась небольшая группа ребят. Растянувшись на песке, подставляя бронзовые спины солнечным лучам, они ведут оживленный спор. Среди спорщиков выделяется белообрый шустрый мальчуган лет двенадцати.

— А ты Мишка не фобинишь! — говорит ему один из мальчишек.

— Кто? Я? — гневно вскрикивает белообрый. — Я вчера, знаешь, какого драко обогнал.

Мишка, худощавый паренек лет пятнадцати, поднимается и толков, не допуская возражений, предлагает пальт наперерогон:

— Пойдем!

Оставшиеся на берегу с интересом наблюдают за соревнованием. Первым из воды выходит белообрый паренек, опередивший совете соперника метров на десять. Обурюждено дыша, он направляется к товарищам и усталю опускается на песок.

— Молодец, Бонка! — слышатся вокруг одобрительные возгласы. — Здорово плаваешь! Тебе нужно в «Динамо» заниматься, чемпионом бы стал.

Бонка смотрит в сторону возмущающейся неадекватно вышки водной станции и раздосадованно машет рукой:

— Да был уж я там, но нашел, где записывают... В конешней свечии плаванни на водной станции «Динамо» занимается всего несильно десятков человек. А рядом, на пляже, единственно бывают сотни детей. Многие ребята мечтают научиться хорошо плавать, но не знают, куда и к кому нужно обратиться. Пробрисая оныонными путями на территорию бассейна, они внимательно следят за тем, как проходит занятия в свечиях, а потом гениальные упраинения.

На пляже детвора часто устраивает свои, «двие» соревнования. Ребята состязаются в скорости и дальности заплыва. Есть тут и свои «чемпионы», правыйный совет, помог научиться хорошо плавать. Тренеры водной станции «Динамо» из плни не заглядывают. А спориво бы: ведь многие из ребят обладают спортивными задатками.

Иная картина в Краснопресненском детском парне имени Павлина Морозова. Здесь нет многих преимуществ, которыми обладает водная станция

Радушно встречают в Краснопресненском детском парне имени Павлина Морозова ребят, желающих научиться плавать.

Тамара Уланова. У края бассейна выстроилась группа мальчишек. Загорелые, крепкие, они внимательно выслушивают объяснения тренера.

Каждое же занятие с «инуювещицами» состоит из двух частей: на берегу, где проводится предварительная отработка движений рук и ног, и в малом бассейне, где все упражнения повторяется в воде. Помимо этого ежедневно выделяется по тридцать минут на свободное плавание под наблюдением тренера.

Сейчас Тамара Уланова знакомит ребят с одним из стилей плавания. Четко выполняет упражнения двенадцатилетний Женя Лусенин, учащийся 56-й средней школы города Москвы. Не так давно, наблюдая за купающейся в одном из московских прудов детворой, Уланова заметила очень способного мальчика и посоветовала ему записаться в школу плавания. Это был Женя Лусенин. Правда, он это тогда считал себя опытным пловецом. Но, начиная заниматься, Женя убедился, что стать настоящим пловецом не так просто, как ему казалось раньше.

Среди учащихся школы плавания в парне имени Павла Морозова есть и такие, как ученик 163-й столичной средней школы Саша Фридман, который до прихода сюда совсем не умел плавать, а только «качал» с завистью подглядывая на купающихся друзей. Теперь Саша так же, как и Женя, овладев приемами плавания, является одним из лучших пловцов своей группы. От Женя и Саша не отстали и их товарищи.

В большом бассейне идут занятия с группами «умевших» плавать. Вот даже загорелых юношей взорбали на невысоких балках стартовые тумбы, пригнулись, замерли и одновременно ринулись в воду. Пустня секундомер, тренер внимательно следит за каждым движением пловцов. Ни одна неверная взмах их рук не ускользает от глаз опытного инструктора. Дистанция пройдена, время неважно, но можно добиться лучшего, и тренер указывает юным пловцам на их ошибки.

Каждый день число учащихся в школе плавания увеличивается. Записываются сюда приходят обычно сразу по несколько человек — из городских пионерских лагерей, из школ, из дворов: приходят

Тренер Тамара Уланова первые занятия с новичками проводит на берегу

Так отрабатывают движение ног начинающие пловцы.

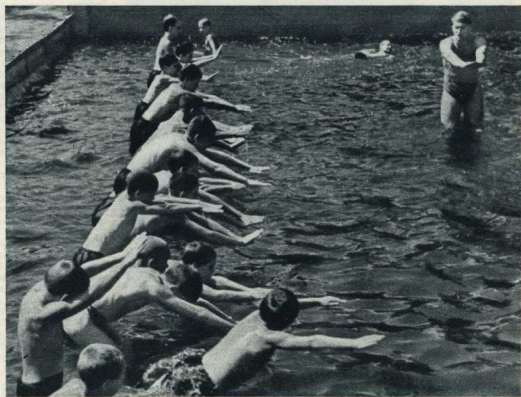
и просто одиночно, просмывавшие о существовании школы плавания в парне имени Павла Морозова.

Но и в работе этой хорошей школы плавания есть, и конечно, ряд недостатков. На заборе, у росы написано: «Правила приема в школу плавания в 1954 году». Далее следуют пять пунктов правил. Оказывается, чтобы научиться плавать, нужно сначала представить несильно справом, заполнить анкету с десятками вопросов и преодолеть ряд других формальностей.

Плохо и то, что при бассейне не проводятся интересные олимпиады. Дети должны ходить в районные полиинституты, чтобы заручиться справкой врача. Не хватает в школе спортивного инвентаря. При устранении всех этих неполадок размах работы с детьми значительно увеличится.

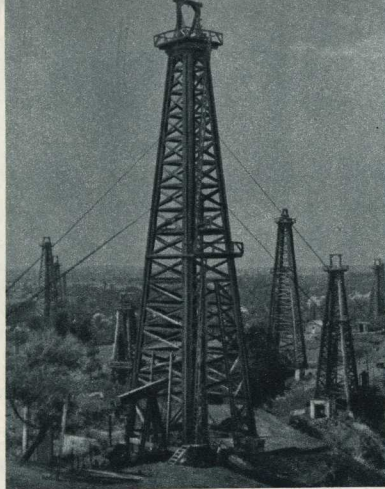
При устранинии всех этих неполадок размах работы с детьми значительно увеличится. Не мешало бы тренерам добровольных спортивных обществ почаще навещать в гости к юным пловцам.

В. РОМАНОВ

Тренировки в бассейне.

Куда ни кинь глазом — повсюду нефтяные вышки. Это, Плоешти — центр нефтяной промышленности Румынии.

НА МОРЕНСКИХ ПРОМЫСЛАХ

Ион ГРИГОРЕСКУ

В августе румынский народ отмечает десятилетие освобождения своей родины от фашистского ига.

Неизменно расширяется деятельность промышленности, сельское хозяйство и культура Румынии за годы народной власти. Изменился и невооруженным глазом безошибочно, виден, поход — эти неизменные спутники капитализма. Вступают в строй новые фабрики и заводы, все больше становится в стране сельских коллективных хозяйств, открываются новые учебные заведения, театры, клубы. Румынский народ успешно строит социализм.

Ничто мы не забываем о нефтяниках Румынской Народной Республики, которые своим самоотверженным трудом вносят достойный вклад в дело укрепления экономики страны, где нефтяная промышленность составляет одну из высших отраслей народного хозяйства.

35 миллионов тонн нефти! Столько набрали иностранные империалисты с 1904 по 1942 год только из недр маленького района Морень, прозванного им «Второй Калифорнией» и «Балканской Венесуэлой»...

Наша машина скользя по широкой асфальтированной дороге, забрызганной нефтью. Мы направляемся в Шуца Саяк. Путь ваш лежал через Морень. Слева и справа виднелись усеченные вышки холма. Вокруг лежала земля, овеянная бесчисленными легендами.

Одна из историй повествует о печальном происшествии, случившемся здесь двадцать восемь лет назад. На склоне одного из моренских холмов находилась скважина, из которой непрерывно бил нефтяной фонтан. Эта скважина была американских владельцев была источником колоссальных доходов.

Сотни цистерн нефти ежедневно выкачивались из земли. Черный поток стекал в открытые бассейны, огромные, как озеро. А рядом, не-

много ниже, бурлясь новая скважина, которая, по утверждению специалистов, не должна быластупить по богатству первой.

В те дни на промыслах толпами тянулись люди, надеясь найти работу. Особенно много скопилось сюда горных холмов молдавских крестьян. Американская компания напимала их оилом, даже не записывая фамилий. Сотни изможденных людей выстраивались цепочками вдоль долины. Задавшись в чужд газом, они скимали истощенными руками восьмидесятирублевый коток и вымсыривали песок со дна стоков. За этот каторжный труд им платили гроши.

А однажды случилась беда, которую владельцы промысла предвидели, но для предотвращения ее не сделали даже палачем. Скважина в нижней части долины пошла к нефтяным пластам, и, когда в недрах был пробурен последний слой земли, газы и нефть вырвались с такой силой, что снесли буровую вышку. Долгую покрыва газова тута.

У компании, получившей миллионные прибыли, «не нашлось» средств на противопожарную охрану. Владельцы за беспечность жизнь людей. И вот на промыслах неожиданно вспыхнула пламя. Мгновенно все вокруг превратилось в огненное море. Обе скважины выбрасывали в небо ужасный нефть, а гигантские языки огня. Число людей, сожженных живьем, невозможно было установить. После того как скважины перестали, на обугленной земле, среди черной зола, находили кучки более светлого пепла. Это было все, что осталось от людей.

Я смотрел из окна машины, стараясь уловить то страшное место, где двадцать восемь лет назад случилась эта трагедия. Годы капиталистического рабства представлялись мне сейчас огромной выжженной долиной, охваченной все работы страны и особенно Шуца Морень. Везь поле американских, английских и немецких компаний, грабнивших сокровища Румынии с гавстерской беспременностью, оставались здесь только зола и пепел. От тех страшных дней осталось еще и огромное кладбище, сливком большое для такого городка, как Морень. Детица из Американско-Румынского общества, филиала греста Станцарт Ойл компании, ухитрились поставить нефтянику даже среди людей этого кладбища — несоразмерно свидетельство презрения и человеку, к народу, к его традициям...

...Наша машина миновала светлый, нарядный город нефтяников, где мы видели новые, просторные дома, здания рабочих клубов, техникуму, школы, больницы, детских садов.

Дорога обогнала пологий холм. И вдруг мы услышали громкий возглас:

— Тревога! Гасите парпирис! Выключите мотор!

Человек с красным флажком в руке везь перед машиной словно из-под земли.

Встревоженные, мы выключили мотор.

— В районе извергается скважина, воздух толкает газом, — добавил человек с флажком, рассматривая нас, как бы стараясь угадать, зачем мы прибыли на промыслы в столь неподходящие минуты.

До Шуца Саяк оставалось километра три. Перед нами лежал арений сухой лес. Он четко вырисовывался на фоне солнечного заката. В воздухе рстеклась острый запах сырых трав, газом и нефти.

Дальше мы пошли пешком. Человек с флажком еще раз напо-

мнил нам, что если вспыхнет хоть искорка, случится беда, и остался караулить посреди шоссе.

Но море того, как мы приближались к нефтепромыслам, газовой становилась все гуще. Через каждые сто метров нас останавливали люди с красными флажками, еще издали крича:

— Внимание! Тревога! Гасите все огни!

Кругом стояла пожарная машина, вышка была опущена пепла, пожарников. Видимо, были приняты все возможные меры, чтобы во-время предотвратить несчастье.

Когда по телефонным проводам промчалась весть: «Есть семнадцатая скважина нефть!» — люди из бригады Иона Попа не полонезвали, какой сорпизис пригтовили им приворо. Дно трубы достигло нефтяного пласта, и до пруска нефти остались считанные часы. Нужно было только выполнить последние предохранительные работы. Молодые нефтяники Марин Вассилу и Георг Комтан успели уже обняться и поздравить друг друга с победой. Но через несколько мгновений события приняли неожиданную оборот. Из скважины начал подниматься приглушенный гул. Вначале робкий, он усиливался ежесекундно. Душный запах газом накопился, и земля вздрогнула. Нефть вылила дно трубы и молниеносно устремилась на поверхность. Ошеломленные люди отпрянули от вышки. По телефонным проводам промчалась другая короткая весть: «Есть семнадцатая скважина без фонтана».

Когда мы прибыли на место, из скважины, как из вулкана, изверглась гигантский фонтан нефти и газом. На забрызганных нефтью лицах рабочих и пожарников читалось ожесточенное упорство. Лица словно окаменели в удивительном спокойствии. Между человеком и стихией началась борьба не за жизнь, а за смерть.

Первым пошла на разведку трое энтузиастов во главе с бригадиром Ионом Попа. Крепко держась за руки, они направались прямо в нефтяной фонтан. Через несколько догадок секунд они вышли, шатаясь. Все же они установили: выброс можно прекратить. Но нельзя обойтись без молота, и каждый удар его может вызвать роковую искру.

— Нужны медные бруски! Они не искрят! — крикнул Георг Енеску, инзориский, нетерпеливый человек.

Быстро отыскали медные бруски. Аварийные бригады снова двинулись в гущу фонтана и, сменя-

Много домов для нефтяников строит правительство Румынской Народной Республики. На снимке вы видите один из новых поселков — Валя Нисор.

ясь каждые две минуты, укрепили отверстие колоды. Теперь осталось только завести предохранитель, находящийся в подвале нефтяшки и у самого кратера.

Спустился ночь. Света не было: опасаясь короткого замыкания, люди выключили ток. Лес, наполненный гулом, приобрел во тьме фантастические формы.

Кто-то из рабочих, набрав полные легкие воздуха, кинулся к вышке и попробовал завинтить предохранитель. Но, ослепленный нефтью, огульный ревом, был далеко отброшен. Пошли другие. Их также отбросило от скважины. Уже немом было вытратить нефть с лиц людей, возвращавшихся с вышки. Были использованы все салфетки и скатерти из столовых. Пошли в ход рубашки, одеяла.

Все усилия рабочих казались напрасными. Нефть продолжала бить в небо. Вой рвущегося газа все нарастал. Спешно вырытые бассейны и каналы для стока переполнились, и нефть расплескивалась по склону.

Внезапно сквозь цепь пожарников, окружающих вышку, пробрался высокий, стройный юноша.

— Куда ты, Тома? — громко крикнул кто-то.

Луч карманного фонарика упал на лицо юноши. В устье блеснули два ряда ровных зубов. Парень как будто хотел сказать: «Дайте мне попробовать!»

Он осторожно подошел к вышке и вдруг резко кинулся в нефтяной поток над вышкой. Луч фонарика застыл в том месте, где он исчез.

— Его высоргло! — надсадно выкрикнул кто-то.

Прошла минута, другая, как час. Еще минута.

— Задохнется Погибнет!. За чем его пустили?

Вышка зловеще гудела. И вдруг черной брызгой взорвалась и запылилась. Миг, еще миг — и нефтяной ливень захлебнулся, будто задуманный железной рукой. Гул перешел в протяжный стон и оборвался.

Тышина, упавшая на дубовый лес, казалась каменной.

Люди бросились к вышке и вынесли из-под настла ююшку. Но Тома уже пришел в себя и спросил:

— Остановилась?
— Да, да, Тома!. Черт, а не парня!

Усталые, черные от сазуга, нефтяники цепенали, жали друг другу руки.

На другой день мы встретились с этими людьми в зале рабочего клуба. Осеннее солнце озарило все вокруг золотистым светом. Нефтяники, празднично одетые, пришли на встречу с нами студентами, которые учатся в Советском Союзе.

Мы забросали вопросами. Чувствовалось, что каждому рабочему хочется узнать как можно больше о советских людях. Мы рассказывали собравшимся о Москве, о друзьях, с которыми вместе учились, работали. Пришлось даже отчитаться перед ними за последнюю экзаменационную сессию.

Нефтяники, в свою очередь, рассказывали нам о своей работе, познакомили с трудовыми успехами, достигнутыми на промыслах Шуга Сяк.

В конце беседы я спросил проверхенного парня.

— Тома? Николай? — переспросил меня один из рабочих. — Он был здесь. Только что вышел. Ищите его теперь на четверта четвертой скважине. Его смена заступила.

Через час я его отыскал.

— Как вы себя чувствуете, товарищ Тома?

— Как жених накануне свадьбы! — улыбнулся юноша.

Но лишь только разговор зашел о случае на семнадцатой скважине, он сразу стал скуп на слова. Мы шли среди леса нефтяных вышек. Вдруг я споткнулся о буровую лопату старого образца, ржавую, с поломанными зубьями. На ее динше едва можно было прочитать: «Made in U.S.A.»

— Американка! — сказал Тома и пул лопату ногой. — Черт знает, как она сюда попала! Такими бурями еще во времена моего отца. Теперь у нас новые, отечественные и советские машины. Раньше сдавали скважину в эксплуатацию после трех — четырех месяцев бурения, а теперь — за полтора. Здорово, не правда ли?

Конечно, здорово. И не только потому, что смеялись машины, — переменялись и сами люди. Они стали хозяевами в своей стране.

— До свидания, товарищ Тома! — сказал я. — Надеюсь, еще встретимся.

— Встретимся, но не здесь. — А где же?

— Уежаю учиться на рабочий факультет.

Мы попрощались с нефтяниками. Тимофей Пружаке, Ион Пова и Георг Енеску — три лауреата Государственной премии — проводили нас до машины.

Георг Енеску, молчавший всю дорогу, при расставании вдруг быстро заговорил, точно боится, что не успеет свое сказать:

— Вот что, ребята... Вы едете на учебу в Москву. Если кто-нибудь из вас проедет через Баку,

вы там расскажите о нас... Очень многому мы научились у советских нефтяников. Скажите им, что мы успешно используем их методы, и пожмите им руки от нашего имени... А теперь в добрый путь!

Мы выехали из Шуга Сяк. С нами молодой нефтепромысел Румынии, охваченный мерным шумом творческого, свободного труда, остался позади.

Перевел с румынского Кирилл КОВАЛЬДИН.

Это молодые румынские нефтяники. Они совсем недавно пришли из промысла, но уже стали опытными мастерами своего дела.

Бадави РАМАЗАНОВ

ОТЦОВСКИЙ КИНЖАЛ

Рожденный в маленьком ауле, Среди высоких острок скал, Отец тур, спасавшийся от пуга, Отец мой годы коротал.

Он был лудильщиком умелым И чьим прокормить семью, Пускался вдалеку по тропам белым, Скитаясь от жилья к жилью.

Штаны — заплата на заплатке, Зато у левого бедра Дремак кинжала, готовый к схватке, В ножнах литого серебра.

Не знала отец мой жизни сытой, Имел врагов, и потому Мог быть единственной защитой Отчужденный кинжал ему.

Он с ним ходил по Кокмадагу, И неравнодушный кинжал,

Как верный друг, в пути отгаду Душе и сердцу придавал.

Учил мулла: «Пусть иноверца Найдет кинжала ваш иль свинец. И, может быть, ударом в спину Сразит кого-нибудь отец.

Не знаю я, но мне известно, О том рассказывала мать, Что за рингозом желанной Ему случалось побывать.

За то, что он в селезне горном Перед порогом сгорича Всадил кинжала однажды в горло Ценной собаке богача...

А годы стаей журавлиной Неудержимо мчались вдале,

И я сберег кинжала старинный, Сберег отчужденную сталь.

Пусть эта сталь острее жаала, Но, выйдя в горы лопуту, С собой отцовского кинжала Я в путь-дорогу не беру.

К чему он мне, когда навеки Самились под сенью облаков В одну степь, как в море реки, Аулы разных языков?

Но если вдруг горнест военный Объявит время грозным, Клянусь, окажется мгновенно Кинжала за поясом моим.

Перевел с ланского Я. КОЗЛОВСКИЙ.

Фотр В. Тюккеля.

День аэрошкола

В. АРХИПЕНКО

Над пожелтевшим от зноя полем с восхода до заката не умолкает гул моторов. Спортивные самолеты то уходят в прохладную глубину неба, стелются маленькими точками, то стремительно идут навстречу горящей, нагретой солнцем земле.

В центре поля, окаймленного зубчатой стеной темнозеленого леса, трепещет на ветру пестрый досадовский флаг. Рядом с флагом на двухколесной тележке — зеленый ящик полковой радиостанции с гибким пружом антенны. Навдальке красными флажками обозначен квадрат, в котором расположились прямо на траве юности и девушки, одетые в синие комбинезоны. Здесь же лежат шлемофоны, планшеты, парашюты.

Курсанты, прикрывая от солнца ладонями глаза, следят за полетами своих товарищей. Идет обычный учебный день на аэродроме четвертого московского аэроплуба, в котором занимаются преимущественно студенты Московского авиационного института.

КУРСАНТЫ ВЕДУТ МАШИНЫ

Сегодня на поле курсанты первого года обучения. Всех их пригнала в аэроплуб романтика авиационного спорта. В комбинезонах и шлемофонах они чувствуют себя заправскими летчиками. Но разговоры их еще ученические. Вот двое подошли к стоящему на зеленой траве жестному бечку с водой.

— Тебе «хор» поставили! — спрашивает один из них.

— «Хор».

— А мне «отличное».

— У меня бы тоже «отличное» было... Понимашь, когда мы сидели, я не сразу убрал газ...

Отчаянно жестикулируя, он объясняет товарищу свою ошибку. В это время над лесом появляется идущий на посадку самолет. Едва

коснувшись колесами земли, он подпрыгивает метра на два.

— Вот это козел! — критически замечает студент, прерывая свои объяснения. Уловивши разговор, курсанты идут по траве. Но их сейчас же окликает.

— Не выходите из квадрата!

В квадрате, обозначенном флажками, должны находиться все, кто не занят в данную минуту полетом. Оба курсанта, как по команде, поворачиваются к рослому человеку, стоящему возле ражи.

Начальник летной части Валерий Брониславович Штакгауз, человек строгий и, пожалуй, даже педантичный, делает им омерзительное замечание. Впрочем, без этого начлету нельзя: он отвечает за полеты, обязан обеспечить полную их безопасность.

В руках у Штакгауза микрофон. С помощью радиостанции он поддерживает связь со всеми самолетами на земле и в воздухе, направляет действия летчиков, подсказывает им нужное решение, предупреждает о возникшей опасности.

Из шлемофона, лежащего на столе, раздается голос:

— Земля! Я — Косиль с двенадцатой. Разрешите взлет.

Начлет внимательно осматривает машину, стоящую на старте метрах в пятидесяти от ражи. Неметальный взгляд сразу же замечает непорядок — высота сидения курсанта не подогнана.

— Косиль двенадцатый! — громко говорит в микрофон начлет. — Я — Земля. Проверьте высоту сидения!

Когда приказание выполнено, начлет добавляет:

— Валет разрешаю!

Но стремительный «ЖК-18» еще стоит на месте. Летчик идет сигнал старта. Вот стартер взмахнул белым флажком — путь свободен. Ослепительно взревел мотор, струя воздуха пригнала

траву. Самолет, набирая скорость, бежит по полю, плавно отрывается от земли и уходит в воздух.

Почти сейчас же в шлемофоне начлета слышится новый голос — просит разрешить конвейер. Это значит, что летчику нужно посадить самолет и, не останавливая движения машины по полю, снова взлететь. Так экономится время при отработке курсантом посадки и взлета.

...В квадрате группа курсантов расположилась возле молодого инструктора Кирсанова. Идет послеполетный разбор.

Внимательно следят курсанты аэрошкола за полетом товарища.

В четном, красном строю идут самолеты спортивной авиации.

Фото В. Тюхтеева.

Тысячи советских юношей и девушек овладевают парашютным спортом, вырабатывая таким образом выдержку, смелость, выносливость. Вот над аэродромом повисли воздушный десант парашютистов-спортсменов. Как чудесные цветы, распустились в голубом небе шелковые купола парашютов.

Фото В. Тюкелля.

Еще только начинают свой путь в воздухе молодые летчики. Но впереди у них прекрасная дорога дерзаний, смелости, больших свершений. По этой дороге шли их предшественники — замечательные летчики нашей страны, о подвигах которых с удивлением горюли весь мир, поражаешь их бесстрашием, стальной волей, непревзойденному мастерству.

Великолепную, поистине сказочную авиационную технику дала Година своим сынам, гордо плывущим в голубых просторах платоку океана.

Для того, кто самозабвенно любит авиацию, кто умеет преодолевать трудности и препятствия, открыты безграничные возможности совершенствования, путь подвигов и славы.

ПЛАНЕР УХОДИТ ПОД ОБЛАКА

Ушаков — новичок. Он сидит в кабине планера, терпеливо ожидая, что будет дальше. От носа планера, поблескивая в траве, убегают к самолету тонкий стальной трос. У крыла стоит Дятков — командир планерного звена.

Нина Кузнецова готова к полету.

— Ну, все готово! — спрашивает он.

— Все готово, товарищ командир, — отвечает инструктор Люлюкин, сидящий за спиной Ушакова.

Дятков машет рукой летчицу. Ушаков слышит, как нарастает шум мотора, и чувствует, что планер трогается с места. Радом, поддерживая крыло, бежит Дятков. Но вот он отстает. Планер потряхивает на неровности поля, земля стремительно уходит назад, все сильнее свистит ветер. Ушаков не успевает опомниться, как деревья, дома, телеграфные столбы оказываются внизу.

А планер поднимается все выше и выше. Стрелка указателя высоты показывает 50, 100, 200 метров.

Впереди виднеются зеленые крылья буксирующего самолета. Коротко его моторы наполняют воздух. Но вот самолет уходит вниз, с разворотом влево.

«Отцепили трос», — догадывается Ушаков.

Теперь они летят одни, сопровождаемые лишь свистом ветра. Внизу зеленеют поля, кудрявятся массивы лесов, проглядывают серебристые пятна озер. Какое-то новое чувство наполняет грудь — хочется лечь от восторга, от прекрасного ощущения полета.

Но летать они недолго. Уже сделан круг, и планер идет на посадку. Стремительно набегает земля. Планер, подпрыгивая, скользит по полю и наконец останавливается.

— Ну как? — спрашивает инструктор Люлюкин.

— Очень здорово! Только мало...

Нинего! — улыбается инструктор. — У вас еще все впереди. Дойдете до парящих полетов, тогда поймете, что такое планер.

Новичку не хочется ждать. Он готов парить немедленно, взлететь сюда минуту. Достаточно было побыть в воздухе один раз, и он уже на всю жизнь «заболел планеризмом». Теперь, как и его товарищи по аэроклубу, он будет проводить на аэродроме все свободное время...

К Люлюкину подходит командир звена Дятков:

— Что там сверху?

— Парить можно! — отвечает инструктор. — Восходящие потоки хороши.

К планеру подбегают две девушки, одетые в синие комбинезоны. Они планеристки-разрядницы. Узнав, что есть восходящие потоки, девушки омиляются:

— Значит, можно летать!

— Ну что же, — говорит Дятков. — Чтобы никому не было обидно, давайте کنیم жребий: кто полетит первым?

Люлюкин подставляет шлем, в котором лежат свернутые бумажки. Счастливым номер достается Корольковой. Она быстро залезает в кабину и машет на прощание рукой.

По заданию девушка должна продвигаться в воздухе тридцать минут. Но Корольковой не везет. Отцепившись от буксировщика на высоте восьмисот метров, она не может найти восходящих потоков и постепенно снижается. То ли от огорчения, то ли по другой причине девушка теряет обычную осторожность, небрежно рассчитывает посадку. С поля видно, как планер неудержимо идет на выносной кустарник.

— Зацепил! — выкрикивает кто-то.

Но в последний момент планер успевает проскочить между кустами.

Все облегченно вздыхают. Когда Королькова подходит к началу летной части, он коротко говорит:

— Три дня без полетов!

Королькова и не пытается возражать: виновата! Тем временем в воздух поднимается Кузнецова. Где-то на высоте нескольких сот метров она от-

Часами парит планер, управляемый опытным спортсменом-пилотом.

цепляет трос. Планер парит в небе над аэродромом.

Минут через десять становится ясно, что Кузнецова поймала восходящий поток. Планер поднимается все выше и выше, превращается в маленькое пятнышко, медленно движущееся под белым облачком, и тем, кто не следил за ним, уже трудно найти его в небе.

— Молодец, Нина! — восклицает Люлюкин. Его зарывшееся лицо светится неподдельной радостью. — Молодец! Поздравляю, за две тысячи метров забрался.

— Рекорд аэроклуба! — поддерживает его Дятков. — Так уж и рекорд! — сомневается начлет. — Хотя две тысячи, пожалуй, есть... Но в общем расшифруем показание барографа, тогда видно будет...

А планеристы смеются. Все рады успеху товарища. Сейчас на глазах у них Нина Кузнецова выполняет норму мастера спорта по набору высоты на планера.

— Смотрите, смотрите! — восклицает вздур кто-то. — Там самолет!

Действительно, в той части неба, где парит планер, появились слухоз самолета.

— Что ему там надо? — в сердцах спрашивает начлет. — Спугнет сейчас Кузнецову, она потеряет поток.

Начлет торопливо берет микрофон и передает летчику самолетка: — Консоль седьмой, Консоль седьмой! Я — Земля. Немедленно разворот на 180 градусов. Уйдите в другую зону. Как, поняли...

Почти тотчас же из наушников доносится голос: — Земля! Я — Консоль седьмой. Вас понял.

Самолет разворачивается и уходит в сторону. А планер все парит и парит под облаками...

Этот полет сделал Нину Кузнецову героем дня. Успех пришел к ней не случайно. Еще в восьмом классе Нина стала членом парашютного кружка, совершила несколько прыжков. После окончания школы поступила в МАИ. Год назад — на первом курсе — она подала заявление в аэроклуб, стала планеристкой. Нынешним летом Кузнецова, не бросая планера,

Летный день окончен. Теперь можно подвести итоги.

Сейчас парашютист спотрется от самолета.

вместе с Корольковой пришла в летный отряд. Сейчас девушка учится летать на «Як», и, надо сказать, дело идет у нее неплохо.

Во время каникул Нина не поехала домой в Псков. Целые дни проводит она на аэродроме. Впрочем, не одна она. Здесь все такие же энтузиасты, такие же горячие спортсмены.

Каждый погожий день поднимаются в воздух планеристы четвертого аэроклуба. Спросите любого на них, и каждый скажет: — Чудесный спорт — планеризм!

Юношей и девушек, которых увлекают смелые и волнующие дела, планеризм покоряет навсегда. Нигде человек не испытывает так полно чувство полета, не чувствует себя до такой степени крылатым, как на планере. Поэтому с каждым годом у нас становится все больше мастеров, свободно парящих в воздушной стихии.

СПОРТ СМЕЛЫХ

На опушке леса, окружающего летное поле, стоят два длинных деревянных стола. На каждом из них переливается на солнце разноцветный шаж. Здесь идет укладка парашютов. Укладчики делают свое дело быстро, но чрезвычайно внимательно: ведь от их аккуратности и точности зависит жизнь человека!

Рядом, наблюдая за работой укладчиков, стоят готовые к прижму парашютисты.

Приближается час прыжков. На летном поле непривычная тишина. Слышен даже сухой треск кузнечиков.

Уже можно было бы начинать прыжки, но, как назло, усилился ветер. В такую погоду прыгать рискованно: парашютиста сильно раскачивает в воздухе и может ударить во время приземления. Напрасно курсанты уговаривают начесть, он неумолим. В томительном ожидании проходит полтора часа. Но вот ветер спадает,

цы парашютов. Возле них на скамьях пристроили курсанты. А в небе «Ю-2» кругами набирает высоту.

В стороне сидит худенькая девушка. По ее неподдельному интересу во всему окружающему видно, что она далеко не из спитных.

— Кто сейчас будет прыгать? — спрашивает девушка у соседа.

— Сейчас Тита будут сбрасывать, — отвечает ей.

— Кого Тита?

— Сейчас увидишь. Вот смотри...

Вся поднимает головы, следя за самолетом. От него отделяется что-то темное, и почти сейчас же вспыхивает оранжевое пламя купола.

Это и есть «Тит» — так в шутку называют пристрельный парашют с грузом. По его приземлению определяют снос.

Едва пристрельный парашют опускается на землю, как курсанты бросаются к нему, чтобы быстрее уложить его.

— Смотрите, смотрите, — раздается возглас, — сейчас Калашьян будет прыгать!

Высоко в небе с крыла самолета срывается черная точка. Проходит секунда, другая, третья... Точка увеличивается, стремительно приближается к земле. Видно, как человек несколько раз перевернулся в воздухе. Наконец над ним раскрывается купол парашюта.

Командир парашютного звена Тичев нажимает кнопку секундомера.

— Десять секунд, — говорит он. — Как и предполагалось.

Далеко он выпрыгнул, не дождался!

— Раскладываете «Т», — коротко говорит прыгач.

Курсанты бросаются бегом к автомашине, вынимают оттуда флажки и полотняные полотночки.

Через десять минут все готово. На поле снова выкладывается квадрат. На брезентовых полосках рядом уложены аккуратные ран-

Начинающему спортсмену еще на земле нужно научиться управлять парашютом.

— Кто не дотянет! Калашьян! Он летчик, с ветерком дождет.

И действительно, парашютист, опускаясь вниз, все больше приближается к нужной точке. Отчетливо видно, как он подтягивает руками стропы, управляя парашютом. Приземляется он с сотне метров от «Т».

— Молодец, Аркадий! — с гордостью говорит командир. — И расчет и задержка — на пядь. Аркадий! Калашьян, светловослый худощавый паренек, привычно складывает парашют. В аэроклубе он уже два года, совершил больше пятидесяти прыжков, получил звание инструктора-общественника. Теперь у него есть свои ученики. Но Аркадий учится и сам — он начал изучать летное дело в группе инструктора Кирсанова. Сейчас Кирсанов перешел на третий курс института. Ко времени окончания МАИ он уже будет летчиком.

...К командному пункту подходит Лидя Михалева. Голос ее звенит от волнения:

— Товарищ начел! Курсантка Михалева к прыжку готова.

— Какой прыжок!

— Первый!

— Ах, вот оно что... Понятно.

Что выполняете!

— Простой прыжок с высоты шестисот метров.

Начелт осматривает прыгуню парашюта, лямки, ранец, не упуская ни одной мелочи.

— Ну что ж, идите.

Девушка подходит к самолету. Ее задание простое: дойти до кабины, Вверх, торчащую из ранца, прикрепляют к скобе на борту самолета. Лидя знает, для чего это нужно: когда она прыгнет, веревка вытянет купол парашюта.

Но вот все готово. Самолет взлетает и, делая круг, набирает высоту. Не успев Лидя ознакомиться, а летчик уже указывает рукой вниз — там, под ногами, аэродром. Не зелены поля отчетливо выделяются два знака «Т»: один для самолетов, другой для парашютистов. Внезапно шум мотора затихает — это летчик сбавил обороты мотора.

Лидя слышит за спиной голос:

— Приготовьтесь!

И после паузы:

— Вылезай!

Девушка торопливо перелезает через борт кабины, становится на плоскости.

— Приготовьтесь! — снова говорит летчик.

— Есть, приготовьтесь! — отвечает Лидя. Она, не отрываясь, смотрит вниз. Ей становится страшно. Но малодушничать нельзя: засмеют.

— Пошел! — говорит летчик.

И Лидя делает шаг в пустоту.

Сердце замирает и как будто останавливается — девушка летит вниз. Но почти сразу легкий рывок, и движение замедляется. Лидя поднимает глаза. Прям над нею выгнулся белый купол.

Первый прыжок сделан.

...Парашютный спорт называют спортом смелых. Он требует мужества, выдержки, выдержки и расчета — тех замечательных моральных качеств, которыми так богат наш народ. И не удивительно, что именно советские спортсмены далеко превосходят достижения парашютистов других стран. И они попрежнему будут идти вперед, потому что на смену прославленным мастерам придут настойчивая, решительная молодежь.

Фото А. Прохорова.

В ЛЕТНИХ ЛАГЕРЯХ

На высоком берегу Волги, в живописном сосновом бору, раскинулся лагерь Н-ской гвардейской части. Славный боевой путь прошла эта часть. Знамя ее овеяно славой побед. На древке развеваются ордениские ленты. Под сенью этого знамени в годы Великой Отечественной войны героически сражались советские воины. Теперь ветераны-гвардейцы трудятся на заводах, фабриках, в колхозах, совхозах, а их место в военном строю заняли младшие братья — достойные наследники боевых традиций.

...Раннее утро. Далеко окрест разнесится сигнал горниста-комсомольца рядового Павла Трескова.

И сейчас же из края в край по передней линиике звучат голоса дневальных и дежурных:

— Подъем! Подъем!
Не пройдет и двух минут, как лагерь оживает. Крепкие, загорелые солдаты покидают палатки; они совершают небольшую пробежку и приступают к физической зарядке. А как приятно спуститься потом к реке, умыться прохладной волжской водой!

Вся жизнь в лагере проходит точно по распорядку. Гвардейцы знают, как дорога в бою каждая минута. Они учатся дорожить временем, не жалуют сил для совершенствования своего боевого мастерства.

...В летнем классе, окруженном белоствольными березами, проводятся политические занятия.

После политзанятий — выход в поле. Сквозь густые заросли кустарника пробиваются в полной боевой выкладке пулеметчики. Через десять минут надо прибыть в указанный командиром пункт.

А тут, как назло, на пути вырос крутой песчаный откос. Нелегко забираться наверх: ведь солдаты несут разобранные части станкового пулемета, коробки с лентами. Но, как гласит старая пословица, трудно в ученье — легко в бою!

Едва солдаты достигли назначенного места, раздалась новая команда:
— Расчехи, к бою!
Проходит несколько секунд, и пулеметчики исчезают в ложбинке. Первыми докладывает комсомолец гвардии сержант Печурин:
— Пулемет к бою готов!

Высокий, широкоплечий и молодой солдат Болтрукевич получил приказ вести наблюдение. Скрытно, по-пластунски ползет он вперед, проворно орудуя малой саперной лопатой, маскируясь на местности.

Отойди на двадцать метров — и не заметишь, что где-то рядом солдат.

Ползая, занимаются артиллеристы, разведчики, саперы. Все они действуют, как в настоящем бою. В упорном труде куется боевое мастерство.

...Издалека, с опущенной башей, слышен гул моторов. Их все нарастает. Продолевая одно препятствие за другим, мчатся танки.

Наконец препятствия пройдены. Стих рокот моторов. Из люка головной машины показывается танкист. Мы узнаем в нем коммуниста гвардии старшину сверхсрочной службы Иаченнова. Добрая слава идет о нем в части. На груди воина пять правительственных наград за образцовое выполнение боевых заданий командования во время войны и два знака «Отличный танкист» — за успехи в боевой и политической подготовке, за мастерское вождение боевой машины в мирное время.

...Наступает вечер. Хорошо в это время в лесу. По обрывистому берегу реки гвардейцы возвращаются со стрельбища. Вслед за

запевалой солдаты дружно подхватывают припев песни:

Советские солдаты
Верны приписке свято.
Народа мирный труд
Солдаты берут...

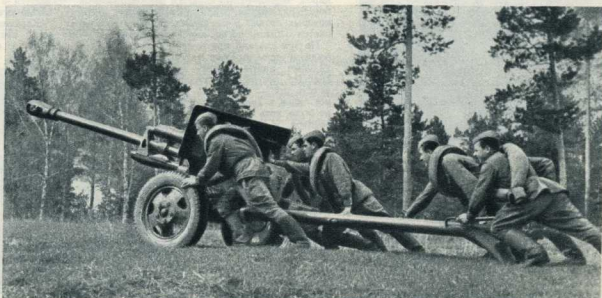
Пришла пора заслуженного отдыха. И вот уже в палатках, на лужайках слышны звуки гармо-

По крутому, обрывистому берегу поднимается пулеметный расчет гвардии сержанта Н. Печурина.

...Уже темнеет. По туго натянутой парусине палаток гулко ударяют крупные капли теплого летнего дождя. Лагерь засыпает. Только у «грибов» на передней линиике и на постаях в тылу зорко несут службу дневальные и часовые.

Майор В. МАЛИНИН

Орудийный расчет гвардии младшего сержанта Т. Фокретдинова выдвигается на новую огневую позицию.

Фото автора.

Этот автомобильный трант, пролегающий через Саяны, ведет в Туву.

ЗА ХРЕБТАМИ САЯНСКИМИ

Путевые заметки

Было это лет пятьдесят назад. Один английский географ, ранее побывавший в самом центре Африки, — а затем и Австралии, задумал добраться и до центра Азии. Вооружившись компасом и справочниками, он долго что-то высчитывал, затем, удовлетворен-

Сотни лет стоят в степях эти каменные идолы.

но потерев ладони, обматив перо и поставив на карте азиатского материка жирную точку. Завершив, таким образом, первую половину своего географического «подвига», он приступил ко второй — двинулся в путь. Дорога была не банальна, но это не смущало англичанина. Он миновал Европу, пересек бескрайние просторы Сибири, переплыл Саянские хребты и спустился в долину голубой реки, которую местные жители называли Улуг-Хем, что по-тувински означает «Большая река». Переправившись через реку, он увидел перед собой шпатель ка-

кого-то огорода. Решительно преодолев это последнее препятствие, британец обогнул воздвигнутый и принялся за дело.

Тувинцы с удивлением смотрели на сухого парня человека, который встал на небольшую возвышенность и сел на солнце. Определив свое местоположение и увидев, что оно совпадает с точкой на карте, он вытоптал в землю небольшой столбик с надписью «Центр Азии» и двинулся в обратный путь. Ни край, лежащий в центре азиатского материка, ни народ, населяющий его, не интересовали географа. Никаких записей после себя этот человек не оставил.

Этого другого английского путешественника, Дуглас Каррутерс, по заданию лорда Керона тщательно изучил Туву. Своей впечатлительной и изломанной в обширном труде, где, в частности, было сказано: «Жизнь в пределах страны венских возможностей... тувемцы сами уже не обладают чудодетственной силой возрождения и находятся на верном пути несомненного угасания...»

Да, тувинцы были индцем, вымирающим народом. И должно быть, кочевники-аряты так и не сошли бы «с пути верного угасания», если бы не Великая Октябрьская социалистическая революция. За десять двадцать лет тувинцы с помощью народов Советского Союза миновали две эпохи — из феодального уклада шагнули к социализму. Счастливая сейчас жизнь у тувинского народа. И много в этой жизни необычного, интересного.

Сразу же за Саянскими хребтами, после головокружительных поворотов Усинского тракта, машина выезжает на пыльную дорогу, пересекающую широкие степные долины. Немалоюродный палит солнце. Обессеянные от жары, недвижно стоят отары овец. Даже буйные косяки изжаренных, пугливых коней словно застыли на отрогах хребтов и склонах сопок. Нюхают вдали открывающиеся серебристые холмы овер, но стоит подыхать к тому месту — и зыбкий мираж исчезает на глазах, а впереди снова бесконечная рыжая степь, седые пряди ковыля.

Много легенд и сказок сложил тувинский народ. В них рассказывается о бесстрашных богатырях-арятах, о красивых девушках, юрты которых стояли в сказочных садах, рассказывается о быстротелых, как вихрь, скакунах.

Не зря слагали арыты свои сказки и песни: были и есть в Туве и хребты арыты и прекрасные арыты и прекрасные кони. А вот садов в Туве раньше не было, хотя о них и говорили в сказках и песнях. Эти сказки и песни передавались от дедов к внукам, кочевали вместе с ними по выжженной солнцем степи, и, наконец, не один арат, слушая их, мечтал о том времени, когда и в Туве зацветут сады...

Почет десять лет назад из-за Саян приехали в Туву машинами со странами в кузовах покатывались какие-то деревца, бережно завернутые в росуку. Машины переправлялись на па-

роче через Улуг-Хем и двинулись вглубь степи, туда, где у реки Чадан раскинулось хозяйство комбината сельскохозяйственной опытной станции Сибирского научно-исследовательского института животноводства. Так тоненькие, неокрепшие саженцы плодовых деревьев впервые появились на тувинской земле.

...Опытную станцию мы увидели издалека. Глаза уже устали от монотонной степи, горбатым отрогам Саян и Тану-Ола, поросшим колючим карагатайком. Уже надоели и мелькающие в стороне от дороги суслики-сыстунцы и седые орляны, то парящие у самого солнца, то недвижимо застывшие на мукуйлах телеграфных столбов, когда с вершин холма вдруг открылся обширный зеленый остров, окруженный, как морем, желтой степью.

На станции лист обычный рабочий лопаты. Полеводы собрались выехать на прополку посевов нового сорта пшеницы, со стороны животноводческой фермы слышались звонкие голоса доярки, а в лаборатории стояла старая тшана, нарушенная лишь редким появляющимся профробом и коаб.

В саду была такая же тишина, как в лаборатории. Ветви яблонь и вишен, казалось, замерли в знойном воздухе, и не верилось, что в такой жаре листья деревьев могут сохранить всеполюсную свежесть. Но вот и концы сада слышались негромкие голоса. Вскоре из-за раскинутой яблонь появились агром-полевод Вера Пантелевна Казанцева и две ее юные помощницы — садоводы комсомолки Чап Ондар и Хава Кулар.

Директор опытной сады Вера Пантелевна Казанцева принадлежит к числу людей, которых избранное оладжи в жизни дело улаке как так, что никакие трудности и неудачи не могут выбить их колеи. В 1946 году она окончила Мичуринский плодородной институт. Студенткой работала в саду-питомнике, заложенном великим Мичуринцем. То в время она мечтала выращивать новые сорта ябл, груш, вишенграда, а ее послали в Туву и сказали, что нужно вырастить там самый обычный ранет и, если удастся, антоновку.

— Недаром, видно, в Туве сады существовали только в сказках, — рассказывает Вера Пантелевна, — не так-то легко вырастить их в степи, где средняя температура поднимается до плюс 50, а зимой падает до минуса 45—60 градусов. Да еще без снега. И все-таки выстояли яблоньки, выдержали! Зато и поучились мы с ними. Зимой — кутай, как детей, летом — следы, чтобы не засохли. Но зато теперь видите, какой они роскошный и не сад!

Цветущий сад придавал окрестным степям какой-то необычной, обновленной вид.

— Первое время я одна возлась с саженцами, выводила морозостойчивые, выискивала более живучие сорта, а теперь у меня есть замечательные помощницы. — Вера Пантелевна ласково посмотрела в сторону Чап Ондар и Хава Кулар.

— Девушки эти, можно сказать, — первые садовницы Тувы. Теперь они работают районной садоводствой. Даже ездят в колхозы помогать ухаживать за новыми садами.

Казанцева с гордостью рассказывает о садах, появившихся в тувинских колхозах. В трех сельскохозяйственных артелях Дуу-

Самодвижные комбайны не редкость на полях Тувы. Колхозы этой автономной области оснащаются сложнейшими сельскохозяйственными машинами.

ПЕРЕСЕК И Н С К А Я "ВОЛШЕВНИЦА"

Рисунок Е. Ведерникова.

Во Владимире, в городском саду «Липки», ставке школьников, вставши в кружок, играла в волейбол.

Тут же по дорожкам ребята гоняли на велосипедах, а на лавочке напротив меня девушки-студентки, неумело обращаясь с фотоаппаратом, пытались запечатлеть друг друга.

В это время к лавочке, на которой я сидел, подошли две старушки, должно быть, богомолки. — Можно тут присесть? — с милой застенчивостью спросила одна из них.

И сразу же принялась говорить о том, как приятно встретить вакинского молодого человека и что господь-бог сурово наказывает за грубость и неуважение к старшим.

Так как я не возражал, старушки, видимо, решила, что пришла подождать посылку для посевов, и, внимательно вглядываясь мне в глаза, стала рассказывать разные истории о том, как карает бог безбожников.

Она говорила громко, и вскоре девушки и ребята с соседних лавочек, заинтересованные «замысловатыми» рассказами о чудесах, окружили нас.

В ответ на мои слова, что все эти «чудеса» — случайные совпадения или выдумка, старушки заговорили еще сразу:

— Говорите, чудес не бывает! А вы про пересекинскую бабку-ку-лекварку не слышали? Сколько людей вылечила одним крестом да святой водой! К ней человека без ног привезут, такого, что врачи отказываются, а от нее уходит совсем здоровый.

— Я тоже слышала, будто она многих вылечила, — поддержала стоявшая рядом девушка.

— Вы съедите и чай — и сами убедитесь, — твердила старушка.

И я решил съездить к этой деревенской волшебнице, не для того, конечно, чтобы «убедиться», а для того, чтобы рассказать о ней правду самым юным и девушкам...

Автобусом добрался я до районного центра Боголюбова, а там пошел пешком в направлении села Раменки или, как его здесь еще называют, Пересекино.

Много хорошего открывается глазам пешехода летом, когда дух подогретый ветер доносит с полей какой-то пряный запах, когда звенит кругом — в траве и в небе — веселые пчелы голоса.

За большим селом Добрыньским дорога вошла в густой еловый лес, а когда неожиданно вынырнула из-под навеса темных ветвей, передо мной открылся заросший травой, почти брызгливый перекресток с высоким столбом посередине. Только вместо известной надписи: «Площадь челяво — убиту быть», пойдешь направо — жутко быть — на вершине столба приколочена дощечка со словами:

«Лес — общеродное достояние, беречь его от пожара!» Вот тут, на перекрестке, встретил я первых «пациентов», направлявшихся на прием к пересекинской знахарке. Их было трое. Невысокий худощавый человек, одетый в черную полевую куртку, министр, молодой, шел лечиться от отставания и запоя. Его жена, неразговорчивая женщина, просто сопровождала мужа. Третий был рослый широкоплечий мужчина в армейском кителе. На руке его я прочитал выгравированное имя «Павел» и год рождения «1925».

Для меня было особенно важно понять, почему идет к Бабке-знахарке этот молодой и на вид культурный человек. Мы разговорились. Он рассказал, что приехал из-под Москвы, со станции Лиаозово, где работает на заводе. Во время войны он служил в авиации и однажды, прыгая с подбитого самолета, получил кон-

чей, бывает в санаториях. Слушанию услыша про «чудесную пересекинскую целительницу», он решил испробовать и это средство: «Барук поможете?»

— Вы в Бога веруете? — спрашивало я его напрямик.

— Нет, не верую, в церковь не хожу.

— Так как же вы идете лечиться к крестом и святой водичке? Павел мнется, разводит руками: — Да ведь многие говорят, вылечиваются...

Удивительно, что этот молодой образованный человек, не раз сморщивая в глаза смерти, мог до того самодушливаться, что отравился лечиться к Бабке.

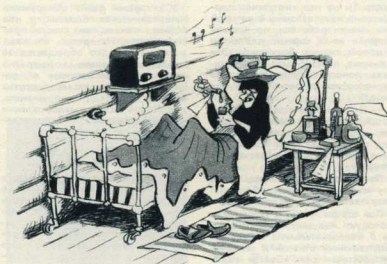
Всю дорогу трое моих попутчиков, будто бы убеждая самих себя, рассказывали о слышанных ими невероятных случаях чудесного исцеления.

Село Раменка, стоящее над речкой Нерль и окруженное со всех сторон густыми сосновыми бором, имеет очень живописный вид. Дома, добротные, крытые железом. Вдоль улиц тнутся свежеструнные столбы с проводами: село полностью электрифицировано.

Как раз когда мы подошли к дому Бабки-знахарки, девушка, колхозный счетовод, явилась к ней получать плату за электроэнергию и, разговорившись в процессе расчета, проглядела в слухче неуплату долга отрезать провода.

— Сколько денюшки заребает, а за свет не платит, — усорила строго девушку.

Возле аккуратного бревенчатого домика под зеленой крышей, где живет «целительница», уже сидели на лавочке и на бревнах человек шесть «пациентов» самых разных возрастов. Среди них торжественно восседала первая по мощице и родственнице Бабки Анастасия Ивановна — пухлячок, старая женщина с быстрыми, беговыми глазами. Мы застали

«Лес — общеродное достояние, беречь его от пожара!»

Вот тут, на перекрестке, встретил я первых «пациентов», направ-

ленно, регулярно лечится у врача.

колхозе Даун-Хемчикского, Барун-Хемчикского, Байтайгонского и других районов области.

Представитель новой породы мы увидели во дворе опытной животноводческой фермы. Один из них, веселый, видимо, болтливый иранец бычок, с задорным мяканьем носился вокруг телегины и норовил поддеть ее под бок.

Это был «Вяргя», родившийся всего несколько дней назад, но уже ставший настоящим богатырем весом в сорок с лишним килограммов.

До позднего вечера кипит работа на зеленом острове опытной станции. Здесь трудятся немало комсомольцев. Они выпаривают новые селективные яблони и вишни, выводят новые породы коров, коней, тонкорунных овец.

...Машина снова бежит по дорогам Тувы. Воздух прозрачен, светел. Не верится, что вчера было так душно и жарко. Это почью из-за Саши ветер принес дождь, который обильно наполнил и освежил сухую землю.

Слева и справа раскинулись поля. За ними тянутся целинные степи, и снова где-нибудь в распадке проглядывают клны поля. Дносятся ровный и спокойный гул тракторов. А слева, окруженный отрогами Саши, изуродованным островом лежит зеленый массив опытной станции. И даже издалека заметны вчерашние на тувинской земле фруктовые сады.

П. БАРАШЕВ

Тувинская автономная область.

Хомчикского района — имени И. В. Сталина, «Красном пахаре» и «30 лет Октября» — уже разбиты фруктовые сады на площади в десять гектаров. С осени еще несколько тысяч саженцев яблон перекочует из питомника станции в тувинские степи.

Да и не только яблоня «выходит» отсюда. Тысячи лет занимались тувинцы животноводством, а в последние годы, начиная с 1940 — 400 литров молока в год. Путем долгого отбора и скрещивания работницы опытной станции вывели новую, отличную породу коров, которые легко переносят суровый климат Тувы и дают по 2-300 литров молока в год. Племменные бычки, родившиеся здесь, на опытной станции, гуляют в стадах

ею а самый разгар вдохновенного вранья.

О чем только она ни говорила: и о ведах, и о колдунах, и о бесах, вселяющихся в жидюк или в уху человеку...

Невольно вспомнились знаменитая нищенка из «Грозня А. Н. Островского, которая вот так же повествовала разнуздавшим рта глупым обывателям о черных чартах, рассылающих «плевель» в городских крышах.

Хмуро и злое заучил шепелявый шепот Анастасии Ивановны:

— Приезжает к нашей бабушке болейш и говорит: «У меня рак» — а она поправляет: «Не рак у тебя, а враг», — значит, бес. Посмотри бабушка на иконку и сразу определяет: «Горная», «присуха» или «второй». И назначает она святых, красит по асему телу поглазничать, мигает, где бес живет, а сама все молится и приговаривает: «Издай, бес!» Тут нечистая сила не выдерживает и покидает человека, иной раз в форточку выскочит, иной раз через пенную трубу. В трубе-то так и завоюет! Глядишь, человек поправляется. А еще лечит она святой маговорной водой...

— Откуда же она столько святой воды берет? — спрашивает впервые попавший на прием мой попутчик Павел.

— Воды-то ван из того колодца. Больные сами ведрами натекают в бочку, а бабушка святит. Летом народку много приезжает: по соруд ведров разбирали за день, с собой уносили...

— А вода дорогая? — поинтересовался я.

— Бабушка не спрашивает, что сколько дается.

— И что ж, она ото всех болезней лечит?

Помощница знахарки делает строго лицо и нестеснительно разъясняет:

— Конечно, она вылечивает только те болезни, которые не для врачей: «сглаза», «ветрянку», «порчу».

Сидящие рядом старухи, должно быть, тоже здешние жительницы, в подтверждение кивают головами.

— А вы сами у нее не лечились? — спрашиваю я у Анастасии Ивановны.

— Со мной вот какой был случай, — отвечает она. — Стала я замечать, что от меня сына отворо-

тили: не разговаривает со мной, хмурится, что приговало ему, не ест. А сын-то у меня неуверующий, к бабушке его не отдаешь. Взгляла я у бабушки маговорной воды и стала поднимать сыну в чай, в молоко, а вино. А он все пьет и отливается: «Что за чертовщина!» Это бес-то, который в нем, не нравился святой воде!... Слышав эти рассказы, я вдруг заметил, что очередь на прием к знахарке не прерывается.

— А что, лекарка не приходит? — спрашиваю и старуху.

— Не принимает Любовь Ивановна, заболела она...

— Значит, себя-то она вылечит не может? — недоумевает Павел.

— Сама не может, а другие вылечивает. Сколько народу исцелила! Из дальних краев к ней приезжали, иные даже на «Победах»...

— А здесь, а село, она кого-нибудь вылечила?

— Старуха у меня молчит.

— Да вот сондук Руду Шокину исцелила: припадочная была, а теперь почти совсем здорова...

— Почти совсем!

Из любопытства я зашел в дом к Руде Шокиной.

Руда оказалась невысокой, здоровой на вид двадцатипятилетней женщиной. Работает она не животноводческой ферме. Когда я вошел, хозяйка готовила обед.

На трапезном всеносиде встала по комнате веселый голубоглазый мальш — сын Руды.

Постепенно мы разговорились, и все во история болезни стала понятной.

Со слезами на глазах молодая женщина рассказывала о том, что будто бы на нее «ангустала» порчу одна из колхозниц, с которой она вместе работала, не давали, спорили «за» кормов для скота и порой сильно бранились. Эта женщина, не стесняясь в выражении, носила Руду Шокину за то, что у нее растет ребенок без отца.

— Ну, чем я виновата, что он бросил меня! — заливаясь слезами, говорила молодая мать. — А она такая злая, такая злая... Она сама сказала: «Ты меня припомни!»

После этих слов у Руды стали случаться приступы, обмороки: результат пережитых волнений.

При одном из таких обмороков молодую женщину, находившуюся в бессознательном состоянии, родственники отнесли к соседке-исцелительнице. «Святая вода» помогла ей так же, как помогла бы и прости, ну у больной появилась вера в силу знахарки. Кроме

того, видимо, действовало и простое внушение. Не догадываясь, что истинным виновником болезни является все неверный мун и плохой отец, а — не свариная скотница, испустившая «порчу», Руда Шокина стала ходить «лечиться» к бабушке.

— Ну и правда, что бабушка вас вылечила!

— Еще не совсем. Намедни ходила в церковь и снова упала...

Шарлатанство перекисевой знахарки становилось для меня все яснее.

— Наступает вечер. Где-то видны на улице запыл бани. Девушки разгуливают частушки. У кого-то из колхозников в доме громко заговорило радио. Выступили в окнах золотые огоньки электрического света.

А на лавочке возле дома больной знахарки все еще сидят унылые, неизвестно чего дожидающиеся «аптекары». И долго слышится монотонный шепот:

— Искать лучше луко, леса кругом. Потому колдуню здесь уйм! Сколько людей перепортили Кабы не бабушка Любовь Ивановна, спасены бы от них, пропали бы балы!

И в это же самое время в доме под зеленой крышей, в маленькой комнате, где встает электрической лампы забивает тусклое мерцание лампадок, лежит на высокой кровати зная, выжидающая из ума старушонка и, шевеля губами, молит бога, чтобы ей отпал от нее святого дара исцелять людей, младенцев и бесловесный скот!

На скамейке рядом с ее кроватью стоят пузырьки и коробочки с лекарством.

У старушки давно обнаружена гипертензивная болезнь, у нее большая печень, она часто простуживается. Интересно, что сама знахарка нередко обращается за помощью к врачам, аккуратно принимает выписываемые ей лекарства. Что же касается других болезней, то им, по ее мнению, достаточно для выздоровления выпить несколько литров «святой воды» из колодца!

...Несколько дней провел я в селе Ремлене, разговаривал со многими жителями, с председателями колхоза, парторгом, с колхозными активистами. Жители села возмущаются тем, что на протяжении многих лет, до самого последнего времени, этой шарлатанке, бабушке Никитиной, удава-

лось почти безнаказанно морочить и обирать людей.

По приблизительным подсчетам, каждый литр «продол» колодезной воды приносит ей от пяти до двадцати рублей дохода. Рассказывают, что предпринимая знахарка на старости лет пристрелилась и картишкой, а иногда и пописав и выпить ромочку — другому. Слава Богу, доходы позволяют!

Вокруг богомолной шарлатанки образовалась целая шайка пазрантов. Одно время у нее был даже свой «сезервал» — молодая девушка А. В. Чебышева. Она рассказывала во все концы страны письма, популяризирующие имя перекисевой знахарки. И когда кто-то слышит доверливые люди шед слова, привлеченный этой обманной славой. Некоторые местные жители извлекали из благинной злати материальную выгоду, предоставляли за высокую плату своим домом приезжающим «на лечение» бездельникам.

Появление и существование перекисевой «волшебницы» можно объяснить только тем, что Владимирский районкомсомол почти никак не влиял на культурную жизнь села. В колхозном клубе очень редко читались лекции, редко демонстрировались концертники на научно-составные темы; а село до сих пор нет райоткомсомол.

Вместокомсомол недавно еще раз категорически запретила Никитиной заниматься знахарством, но работница райздрава догадалась, при этом организовав для жителей села хоть одну беседу о характере нервных и психических заболеваний, которые толкуются невежественными людьми как «сглаз» и «порча».

О состоянии работы среди здешней молодежи можно судить и по тому, что в укрупненном колхозе объединяются четыре села, всего три колхозника! И эти трое не очень-то активно берутся с религиозными предрассудками, не разоблачают шарлатанских махинаций користующей «волшебницы».

Вот почему удается ей морочить кое-кому голову.

У ФЕДОСКИНСКИХ МАСТЕРОВ

На нас смотрит знакомое тонкое лицо. Чуть прищурив внимательные глаза, слегка повернув лобью морщиною высокой лоб. Если пристально взглядеешь, заметишь, что лицо мимет.

Это портрет Антона Павловича Чехова. Он написан маслом, но не на холсте, как обычно, а на ириске искусно сделанной ленте.

Не только выше умение мастера, но и большая любовь и замечательное русское писательство вырва в этой работе.

На ириске ларца вытиснута чужая заметная подпись: «Грановая». Автор миниатюры — Валентина Гранова, художница Федоскинской промысловой художественной школы.

Производство художественных изделий из пальше-шале в подмосковное село Федоскино было основано 150 лет назад. В настоящее время овладели федоскинские мастера сложным искусством живописи по ленте. У нас в России начали раскрываться лакированные табурианы, шатуны, ларцы. Они были украшены изысканными рисунками в тематике народных сказок, ноциями с картин лучших отечественных и западных живописцев, миниатюрами. У федоскинец Федоскина сложился свой неповторимый стиль письма, приемы работы, бережно хранимые и передаваемые из поколения в поколение.

Подходя к Федоскину, еще издали можно видеть возмущающиеся на фоне белоснежных домов красное здание. В его просторных, светлых комнатах работают художники. Среди них много молодежи.

У подножия больших залов в обветреный перемыс расбавил молодежь. Гали Гранова рассказывает о тонкостях своей работы на ледяной раме. Гали считается одной из лучших художниц арт-деко. Ею получены отменные и сложные задания, и девушка всегда успешно с ними справляется. Недавно на проведенном артельном конкурсе выдана Грановой ее композиция «Нар-птица».

Н. ТУМАНОВА

МЕХАНИЧЕСКИЙ ПОМОЩНИК МАШИНИСТА

Ночь. Мчится поезд. Машинист внимательно следит за дорогой. Впереди светофоры, передеды, воды. На каждом участке нужно видеть состав с определенной скоростью. Но машинист может ошибиться, может пропустить световой сигнал, предупредивший об опасности.

Что же он тогда?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, заглянем в кабину машиниста. В правом углу кабины находится небольшой продолговатый ящик с разноцветными глазами. Ящик приближается к светофору. На светофоре загорелся огонь. Установленные в передней части паровоза приемные катушки индуцируют ток, передаваемый по рельсам от светофора. В данном случае путь свободен, и на приборе загорается зеленый сигнал.

Но вот на соседнем светофоре и в кабине появляется желтый огонь. Нужно уменьшить скорость, так путь свободен только один блок-участок.

На следующем светофоре красные лампы светят сигнал опасности и на приборе.

Если машинист в этом случае не останавливает поезд, в любую развязку разойдет красный светостоп. Но, допустив, машинист не слышал сигнала, поезд продолжает двигаться вперед. Тогда действующий аппарат механический помощник машиниста, и поезд останавливается автоматически.

А. ЛИТИНСКИЙ

Степень звуковой

фото Я. Халипа.

представлено о шумках пожарного обоа.

Творцом степических шумок в театре является один из представителей старых мастеров МХАТа, народный артист РСФСР, лауреат Сталинской премии Владимир Александрович Попов.

За своей жизнью онметает десятки инструментов и приборов. Они воспроизводят шум листьев, возникающий от порыва ветра, колеблют при помощи вентилятора кисейный занавес у открытого окна, изображают трюки дождя, капли которого падают на широкие листья. Есть тут приборы, позволяющие изобразить шторм на море, воспроизвести все звуки железно-пороховой стрельбы, от маневров поезда до сигнального рожка стрелочника, все шумы природы. Это — творчество Владимира Александровича.

В спектакле «Вшнейший сад» в первом действии Любовь Андреевна Раневская после пятнадцатого пребывания за границей возвращается в свое имение. Она с глубоким возмущением воспринимает все, что окружает ее: от маневров маяжского утра, виден в белом наряде шестушечный вышитый сад, поют сюрковы. Их ликующий шор особо подчеркивает душевное состояние Раневской.

Откуда же доносится голоса целой стаи сюрковы?.. Их также воспроизводит один из специальных приборов. За своей работой деревянный валик прибора то вправо, то влево. Более глубокие и замедленные повороты с сильным прижимом валика к шпильному держалке вызывают звуки, похожие на «чур-чур-чур-чур-чур». От быстрого поворота валика получается «чюк-чюк-чюк-чюк».

Если варьировать эти звуки, то создается полная имитация стаи селящихся сюрковы.

Рентгуну пение сюрковы и кукушние кукушки в «Вшнейшем саду», Сталинский говорил актеру, работающему на сцене: — Вы должны рассказать мне с помощью своего свистка о своей первой любви, как вы жили свидания, как полюбовались и замирали, когда видели свою любимую... Вы... говорил он другому, кукувавшему на «кукушки» — вы потеряли ребенка — передайте в слезах кукушкин (густы) матеря.

В книге о звуковом оформлении спектакля В. А. Попов вспоминает еще об одном слухе имитации пения птиц. Перед генеральной репетицией возобновляемого спектакля «При сестры» у

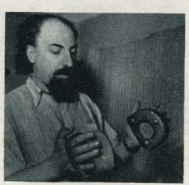
Тихо синирнула входная дверь.

В комнату ворвался шум «ветра» и первые капли «дождя».

Немирович-Давленко возникла мысль сопроводить криком журавлей слова Машы: «А уже летят перелетные птицы... Лебеди или гуси... Милые мои, стальные мои...» Звукового эффекта в первой постановке было.

«Когда я показывал результат своих поисков Владимиру Ивановичу», — пишет В. А. Попов, — он сказал, что это очень хорошие звуки, а главное, это Чехов. Из зрительного зала казалось, что звуки исходят с большой высоты: вначале возникает дурачье курлыкание жоака, ему откликнется выше стая. Жалобы крики, удаляясь, постепенно замирают. Действительно, звуковая картина была очень поэтична и тайла в себе не-

Зачалона «нолматы».

ховскую тоску. А в дальнейшем, и соединении со словами Машы звук этот стал органически необходимым.

Для «журнального крика» В. А. Попов сконструировал оригинальные гудочки. На высоте десяти метров от сцены в специальной комнате работают несколько исполнителей. Курлыкание начинает один из них — «жоак». Примерно в середине второго крика «жоак» к нему присоединяются еще два исполнителя. Дверь помещения, в котором они находятся, медленно приотворяется: «журавль» приближается. Тут вступают еще два исполнителя. При таком построении звук получается восторженно детским и беспорядочно кричащей стаей птиц.

В современном театре спектакли невозможны без звукового оформления. Актерам звуковых эффектов зритель не видит. Но они тоже играют, помогают глубже раскрыть творческий замысел автора.

А. БОРИСОВ

«Забавляя-почучать»

На светосенсор занаване парясона ввесеянсе зверя. Одын пляшет, дройрой лоды ударяет по струнам гитары, третей бьет в бубен. А над всей этой веселой звериной компанией кружины букваны надписи: «Забавляя-почучать».

Шум десятков голосов постепенно стихает, и в зале наступает тишина. На сцену выходит женщина, здороваются с ребятами и говорит:

— Сейчас я расскажу вам сказку. И не только расскажу, но покажу ее вам.

Занавес поднимается, и перед глазами ребят на фоне леса возникает расписанный светлыми узорами сказочный теремок.

— В этом теремке... продолжает женщина,— нет ни мышки-норушки, ни лягушки-квакушки. Его хозяйка — кудлатая собака Мушка. Но Мушка живет в теремке не одна, а вместе со всеми трудолюбивыми друзьями.

И вот на сцене развертывается действие.

Еще раньше теремку, а Мушке не спится у нее сегодня день рождения. Желая пригласить торжество, она выходит на балкон и перекладывает стрелку миниатюрных бабешных часов. Петя-Пегушок удивился и квакнул: почему часы на башне бьют в неурочное время? Но он честно выполняет свой долг. Влезает на крышу теремка, Петя-Пегушок трижды звонком голосом пригласил его обитателей к труду. Вот пропуская дикобраз. Потряхивая, подошел к фонарю, пошухи его и, не спеша, отправился в теремок донимать. Затем прибавила епидемиологическая собака Шубка. Передними лапами она подняла флаг с надписью: «Сегодня день рождения собаки Мушки».

Не успев Шубка со своим делом управиться, как кошка Дымка подлезла к теремку целый воз мешков с мукой. К телеге подбежали крысы-поварята и стали мешки на лестнице так кучковать. Потом спот-полоску Тиш-

ка, достав из колоды ведро воды, начал бить в корыте спирать и на забор его вешать...

Вскоре из окрестных сел пришли гости поздравлять Мушку.

Под звуки веселой музыки теремок поворачивается к зрителям своей внутренней стороной. Видны полукружки, уставленный истами стол, за которым прутует записочны торжества Мушка.

В зале все время царит веселое оживление. Ребята хохочут, хлопают в ладоши. Но яряд их кто-нибудь из юных зрителей знает, сколько потратил дресировщик труда и времени, чтобы заставить «играть» этих четвероногих «артистов».

Для того, например, чтобы научить крыс-поварят снимать с поковки мешочек с мукой (белые подушечки, набитые легкой льфой), дресировщик длительные часы в своих зрительных залах подучивал корм-приманку. Так что в действительности крысы खाвают не мешочки, а прикрепляемые к ним семечки или кусочки колбасы, колбаски.

Основатель Уголка Владимир Леонидович Дуров мечтал о создании такого театра, где, показывая «игру» зверей-«артистов», можно было бы одновременно объяснить ребятам, каким путем это достигнуто.

Осуществить идею замечательного русского дресировщика выдвинула на долю артиста Льва Владимировича Дурова.

В Уголке имени В. Л. Дурова сейчас больше двухсот животных. Среди них — слон, умеющий танцевать, мишка, самостоятельно выполняющий по железной дорожке, рыжик и чернорылые осы, охотно занимающиеся гимнастикой.

Нередко москвичи видят, как по улицам важно разгуливают жельца Уголка В. Л. Дурова слон Луиза. Его жокамо иногда является маленький Тонок — сын дресировщика Створа Карелия.

Главная, практическая цель Уголка — пропаганда естественной среды детей. Нужно, например,

им доказать, что животное послушно человеку не потому, что оно понимает его язык. Чтобы ребята наглядно убедились в этом, экскурсовод показывает к белому холагодскому пони и продолжает следующий опыт.

— Обратите внимание на мою словесную команду, — говорит экскурсовод. — Кричать: поперис! — Крешш поворачивается! — Крешш, поздравляйся! — и тотчас же склоняет гибкую, с изящно подстриженной гривой шею.

— Вам может показаться, — продолжает экскурсовод, — что животное понимает смысл моих слов. Это неверно. Пони обращает внимание только на сигналы, которые и незаметно для нас делают движениями правой руки. Вот вам пример: — Крешш, не кружись, не кружись, не кружись! — говорит экскурсовод, но пони продолжает кружиться. Если экскурсовод это время подает ему соответствующий сигнал.

Так юным посетителям Уголка становится понятно, что животное не чувствует и не понимает, а действует условно, рефлекторно.

Говорящий ворон insomma кажется чудом. Но так давно к нему прибавлялся говорящая сорока Кутя. Необычайный интерес зрителя, на который она реагирует. Если подражать птицу, то она по-детски ясным и звонким голосом начинает возмущенно кричать: «Что это такое, а? Что это такое делается?»

Экскурсовод объясняет слушателю, что это не речь, свойственная человеку, а всего лишь звукоподражание, основанное на «блатности» особенностей голосовых связок сороки.

Круглый год работает Уголок Дурова. Тысячи людей со всех концов Советского Союза приходят сюда, чтобы осмотреть этот живой памятник изумительному русскому артисту и всемирно известному дресировщику Владимиру Леонидовичу Дурову.

В. КИМЯКОВ

СМЕНА В намере:

Во льдах Антарктиды.
Алессей Григорьевич — История одной поговорки. Шахтерская башня.
Георгий Цагарелия — Материны сыновья. Стыхи.
И. Аграновский — Победы строителей Лаверталева, Стыхи Салбова Ангбаева, Александр Розен — Нелегкое начало. Рассказ.
День на выставке.
Николай Грессинский — Дело чужой жизни.
Л. Флагод — Подвиг Якова Филиппова.
В. Дайрежиев — Молодежь наступает.
В. Романов — Они хотят плавать.
Ион Григореску — На морских промыслах.
Бадан Рамазанов — Отчужденный князь. Стыхи.
В. Архипов — День аэроплава.
В. Малинин — В летних лагерях.
И. В. Баршев — За хребтами Сивильскими. Путевые заметки.
Игорь Кобзев — Переоснащение «полшубница».
А. Берисов — Сны за сивилью.
Сергей Михалков — Пугни на прогулке.

На первой странице обложки: Заслуженный мастер спорта Игорь Ипполитов со своим сыном Виталием на тренировке. Фото В. Тюкинина.

На четвертой странице обложки: Слон Луиза на прогулке. Фото А. Халина.

Формирование номера В. Урица.
Технический редактор О. Шовва.

А. СОРКИН

Костюм шит без ниток...

Красного сияния мужской шерстяной ностом шит без ниток. На это приходится работать на пунтирной строчной швейной машине. Но как же тогда скреплены нитки, образующие швы? Во всеосеннее научно-исследовательское учреждение швейной промышленности нам ответили: — Ностом отформован и склеен на специальных машинах. В последние годы по предельно высокой скорости на ряде швейных фабрик стали успешно применять для крепления некоторых частей одежды клей «ББ-6» — раствор синтетических смол в этиленгликоле. Используется клей в виде тонкой полупрозрачной пленки или тесьмы из ткани с клеевым покрытием. Пленка тесьма наклеивается между частями платья, штормового автомата и подогретых краев утюгом. Если понадобится переменить ностом или заменить часть его, клей может быть удален с помощью специального растворителя. Никаких следов на материале одежды не остается. Швейники и работницы институтов к клеювому способу крепления частей одежды подошли очень осторожно. Они исследовали разные виды клея на прочность, морозо-

устойчивость, сопротивление длительному воздействию влаги. Многие из них, к сожалению, выяснили, что клей «ББ-6» является вполне надежными и оригинальными средствами крепления частей швейного платья.

Вместе с сотрудниками института разработать технологию и комплексную механизацию обработки клеями различных тканей и других частей одежды, и в частности, как будет изготавливаться борт мужского ностом. В особый пресс помонат полу, бортового окантовку пообобот. Металлические шаблоны загрузят края частей одежды. На подготовленные края поны специальная приспособление нанесет пленку клея ввиде тонкой, прочной, мягкой, заменяющей бортовое плечико. Повернуть рычаг пресса и подогреты края подбора точно совмещаются с подогретыми краями плеча. В таком виде швы и запорсутся. Температура нагрева прессующей подшухи 130 градусов. Примечание. Технология пошива одежды поможет не только улучшить выпуск, но и значительно не ухудшит качество швейных изделий.

РЕШИТЕ И ЗАПОМНИТЕ

Гудь, ровня, свет, узор, врат, ишова, свод, строка, пушка, шухота, седло, взнос, омут, заря, база, дича, рося, овал, пошка, кудра, осыд, везд, кажде из этих слов превратите в другое их существительное, прибавив одну букву в начале, последнюю или кончик слова.

Когда вы решите эту задачку, выпишите, но мения порядки слов, все присказанные случаи, составьте фразу из четырех слов. Советуем ее запомнить.

И. ЧКАНИКОВ

Поэма Алесандра Блока «Синьва» начинается следующими словами: «На тымы и тымы и тымы...» А знаете ли вы, какое число обитателей «тыма» и «тыма тем» в системе латинского числительного?

Главный редактор М. А. Величко.
Адрес редакции: Москва, 47, ул. «Правды», 24.
Тираж 120 000 экз.

№ 77. 7 авг. 1954 г. Т. 4-34-24. А 01295. Подписано и печатано 1/IX 1954 г. Загла № 2416. Формат бумаги 70×108/16. 1,75 руб. лт.—4,8 печ. лт.
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

ПУНЧИ НА ПРОГУЛКЕ

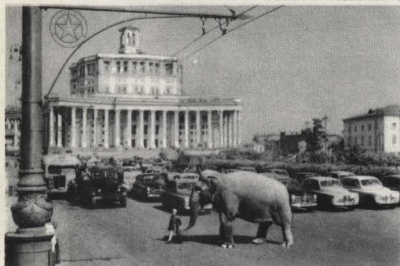
Фото Я. Халипа.

1. Читатели! Здесь изображен
Слон Пунчи — умный, добрый слон.
Он каждый день по прогулке
Выходит утром на прогулку.

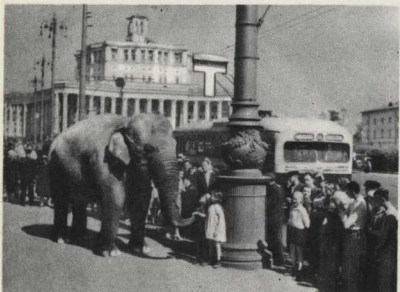
2. В бюро за справкой по дороге
Заходит гость четверногий.
Он хочет знать: унес с утра;
Когда в Москве спадет жара?

3. Стоит «Победы», «ЗИСы», «ЗИМы»;
Слон не спеша проходит мимо.
Приостановлено движение:
Слоная — почет и уважение!

4. Кiosk газетный на пути,
Ну, как и неку не подойти?
«Какая вам нужна газета?»
Слон машет хоботом: «Вот эта!»

5. На остановке все хочочут:
«Слон Пунчи тонне ехать хочет!»
Но хоть места пустые есть,
Ему в троллейбус не залезть!

7. Спокойно совершает слон
Свой ежедневный моцион,
И каждый встречный удивляется:
Такой большой, а не толкается!

6. Пить воду в летний зной приятно.
Слон угощается бесплатно:
Нельзя его не угостить,—
Бедняге нечем заплатить. (См. на обороте)

